

Дарья Калинина

Кобель домашний средней паршивости

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Иронический детектив (Эксмо)

Дарья Калинина

**Кобель домашний
средней паршивости**

«Эксмо»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Калинина Д. А.

Кобель домашний средней паршивости / Д. А. Калинина —
«Эксмо», 2018 — (Иронический детектив (Эксмо))

ISBN 978-5-04-091078-6

Собачья жизнь у нас, девочки, не иначе. Это до чего дошло: порядочной девушке, чтобы найти себе жениха, нужно теперь идти в полицию, надевать погоны и рисковать собой, молодой-красивой. А все ради надежды, что среди свидетелей или потерпевших окажется какой-нибудь принц, пусть не на белом коне, так хоть с собачьей упряжкой. Вот из-за собак, между прочим, у Нади, без пяти минут лейтенанта полиции, весь этот, с позволения сказать, криминально-собачий вальс и завертелся...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091078-6

© Калинина Д. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дарья Калинина

Кобель домашний средней паршивости

© Калинина Д.А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Глава 1

Первым, что Саша увидел, проснувшись, были устремленные прямо на него любящие глаза. Два круглых блестящих глаза, которые буквально изливали из себя собачью преданность своему хозяину. Саша не шевелился, и Барон смотрел на него, не отрываясь и не издавая ни звука, только кончик его хвоста вертелся из стороны в сторону, словно лопасти вентилятора, выдавая все обуревавшие собаку чувства.

Видя, что хозяин хотя и проснулся, но не двигается, пес тоже пока что не осмеливался скакать и вообще буйничать. Вместо этого пес молча стоял у кровати и ждал знака. Интересно, подумал Саша, а сколько времени уже простоял Барон вот так на задних лапах, ожидая пробуждения хозяина? Свои передние мохнатые конечности пес осторожно поставил на самый краешек кровати и безмолвно взирал на обожаемого хозяина. И как долго это уже длится? Может быть, десять минут, может, полчаса, а может, что и час, и даже больше.

Пес был удивительным, он никогда не скулил, не лаял, требуя свое. Он лишь гипнотизировал взглядом своего хозяина и скорбно вздыхал, если уж совсем ему приспичило. Даже будучи совсем маленьким щенком, он всегда деликатничал до последнего, что иной раз приводило к мокрым и печальным для самого Барона последствиям.

– Привет, – прошептал Саша и приподнялся на локте, чтобы погладить Барона по голове.

Что тут началось! Барон, словно обезумев от радости, вертелся волчком, извивался, ластился, улыбался во всю свою собачью пасть. Ура! Хозяин проснулся! Ура! Жизнь стала вновь прекрасна!

– Ну что? Пойдем гулять.

Что? Гулять? На мгновение Барон даже замер, словно не в силах уразуметь, за что же ему подвалило в его собачьей жизни такое счастье. Уж не ослышался ли он? Взаправду ли хозяин произнес заветное слово? Неужели и впрямь гулять? Пес замер, не сводя глаз с хозяина и не смея еще до конца поверить.

– Гулять, Барон, – повторил Саша уже громче и начал натягивать штаны. – Гулять!

Теперь радость Барона угрожала выйти из берегов и затопить все его собачье существо. Он метался по квартире, иногда от избытка чувств врзался в стены, но не огорчался, а лишь мотал головой, фыркал и продолжал носиться. При этом Барон еще и вилял всей своей попой, ударяясь ею при этом о разные предметы мебелировки, но словно бы не замечал полученных ударов.

Стоило Саше встать, как пес начал виться у его ног, то проскальзывая под ними, то нарежая круги, то просто норовя коснуться лохматой спиной, головой, а так хоть и лапой заветного человека. Когда Саша оделся и вышел в коридор, пес уже сидел на коврикe, всем своим видом выражая готовность отправиться на прогулку. Саша начал надевать ботинки, Барон тут же заскакал вокруг него козлом.

– С тобой не соскучишься.

Барон в ответ мотнул головой, мол, да, я такой. И когда Саша направился к двери, пес опередил своего хозяина, он легко поднялся на задние лапы, оперся о дверь передними и начал скрести когтями, пытаясь ее открыть. Когда это не помогло, Барон попытался сделать под дверью подкоп, так энергично работая обеими передними лапами и скребя ими по полу, что Саша в очередной раз подивился крепости положенного у них в квартире ламината.

– Mam, пап! Мы скоро! – крикнул Саша, но ответом ему была лишь тишина.

Домашние любили поспать подольше. На то он и выходной день, чтобы задать храповицкого иной раз вплоть до полудня. И честно говоря, выйдя на улицу, Саша им где-то даже позавидовал. На улице было еще совсем неуютно. Начало девятого на часах, но людей совсем мало. Оно и понятно, даже собачникам хочется в выходной поспать подольше. Саша и сам был

не против подремать еще пару часиков, но это потом, когда они с Бароном вернутся назад. Тот получит миску каши, приготовленной еще накануне, а Саша выпьет кружку кофе, а потом нырнет обратно в постель и понежится в ней под теплым одеялом, пока не появится занятие поинтересней.

Но одно дело, что человек предполагает, а совсем другое, как Господь им по своему усмотрению располагает. Иногда это совсем разные вещи. Так и планам Саши на сегодняшнее утро не суждено было сбыться. Пока он планировал свое незатейливое будущее, шагая по дорожке, усыпанной мелкими желтыми листочками, нападавшими с берез, судьба уже приготовила для него сюрприз.

Саша сразу понял, что пес что-то учуял. Внезапно Барон, который до этого прочесывал траву в поисках одному ему известного запаха, замер на месте, подняв голову и устремив свой длинный нос навстречу потоку воздуха.

– Что там?

Но пес не отреагировал. Он еще и сам толком не определился, что же там такое. Но ясно, что-то интересное. Пес стоял и принюхивался. Потом пробежал несколько шагов и снова останавливался, чтобы принюхаться получше.

Саша невольно залюбовался своим псом. Какой он у него красавец! Шерсть не длинная, но вьется красивыми волнами, что на лапах, что на ушах, что на голове. А уж уши! За одни только уши Барону можно было отдать приз зрительских симпатий. Самое лучшее, что есть у спаниеля, – его уши. Когда собака бежит, уши у нее развеваются – точь-в-точь флажки на ветру. И на душе от этого трепыхания становится весело.

Вообще Барон был совсем молодым псом, даже еще щенком. Его черно-бурая шерсть не потеряла щенячьей шелковистости, гладить его было сплошным удовольствием. К тому же пес был юрким и таким быстрым, что даже здоровенным зубастым кобелям бойцовских пород никогда не удавалось поймать его.

Было у Сашки во время прогулок несколько эпизодов, когда он, еще не зная этой особенности своей собаки, уже мысленно прощался с Бароном. Но каким-то чудом даже четырехмесячный щенок умудрился буквально выскользнуть из зловещей пасти собаки, казалось, уже схватившей и растерзавшей его. И убежал, даже без единой царапины, смеясь над своим врагом. А зубастое чудовище еще долго щелкало пастью, пытаясь понять, почему такие непонятные ощущения. Вроде бы и был щенок, а пожевать нечего. И на морде у огромного пса были написаны самая искренняя растерянность и недоумение.

С возрастом стали проявляться и другие особенности этой замечательной породы. Тонкий нюх. Острое зрение. И удивительная прыгучесть и подвижность, делающая собаку незаменимой помощницей человеку на охоте. И конечно, самое главное, это азарт. Довольно спокойный пес буквально преображался, охотясь на лягушку или даже бабочку. А уж дикие утки из пруда в ближайшем парке находились благодаря Барону в постоянном тонусе.

– Что? Что там, Барон?

И вот сейчас эта самая замечательная в мире собака что-то явно учуяла. Опустив нос к земле, Барон побежал куда-то в сторону дворового катка. То есть катком он бывал исключительно в зимнее время года, а в остальное являлся футбольной или баскетбольной площадкой, благо тут и ворота стояли, и корзины были приделаны.

Но почему-то футболисты и баскетболисты появлялись редко. Видимо, летом у русского человека находились занятия поинтересней, чем просто гонять мяч во дворе. А вот зимой хоккейные команды сражались допоздна. Сперва приходили малыши, затем подтягивались младшие школьники, потом приходили взрослые парни, а под самый финал на каток выходили уже совсем зрелые мужики, которые гоняли шайбу с азартом юношей.

Барон на каток не побежал. Он его обогнул и помчался дальше. За этой спортивной площадкой начинался квартал новостроек, который отделяла от старой застройки широкая

полоса строительного мусора. Когда несколько лет назад на пустыре начали расчищать место под застройку, бульдозеры счистили слой земли, а убрать его не удосужились. Получились своего рода валы, за годы стройки успевшие основательно зарастить сорной травой и кустарником и превратившиеся в излюбленное место для игр всей окрестной детворы.

Летом здесь устраивали пикники, зимой катались на санках. Сейчас была осень, так что интересные мероприятия не проводились, а грибы на валах пока росли плохо. Но место для прогулок было все равно живописным. Хотя растительность на валах уже порядком поредела от листопада, но многие листья еще держалась на своих местах. И утренние заморозки красиво посеребрили пушистые зонтики и тонкие веточки.

– Куда? – ахнул Сашка, когда пес, не оглядываясь, в несколько стремительных прыжков перемахнул эти валы. – Барон! Ко мне!

И вот уж случай небывалый, Барон не откликнулся на призыв хозяина. Сашка ему свистнул, и морда Барона на мгновение появилась над травой на валах. Сделав свечку и убедившись, что хозяин его видел, пес снова скрылся в зарослях.

– Что за игры!

Саша снова властно свистнул, показывая, что сердится, но Барон на этот раз даже не отреагировал.

– Этого еще не хватало!

Саша рассердился еще сильнее и свистнул снова. В последний раз. В ответ донесся лай. Мол, слышу, давай сюда! И Сашка разозлился окончательно. Он привык, что Барон слушается его с первого слова. Давно миновали те времена, когда непослушный щенок убегал от своего хозяина. Ну, и получал потом за это строгий выговор. Но в последнее время Барон себе таких выходок не позволял. Бегал на прогулке без поводка. По команде ходил рядом, по команде возвращался. Умел сидеть, лежать и давать лапу. И знал еще много других специфических команд, нужных охотнику.

Саша мечтал вырастить из Барона настоящего охотничьего пса. А на охоте главное для собаки что? Правильно! Послушание. И тут вдруг такое неповиновение воле человека.

– Ох я тебе покажу!

И, чертыхаясь, Саша полез вслед за своим будущим охотником. Барон услышал его шаги, выскочил, покрутился рядом, но в руки не дался. Выглядел пес до того взбудораженным, что Саша даже не знал, как реагировать. Похоже, Барон наткнулся на какую-то диковину, которую никогда раньше не видел. Внезапно за кустами мелькнул силуэт, вроде бы женский.

– Эй! – крикнул Саша, надеясь привлечь к себе внимание беглянки.

Но та не отреагировала и скрылась из виду. Саша ненадолго притормозил, и тут до его слуха донесся человеческий голос, верней, стон. Ну конечно! Барон нашел пьяного, забредшего в эту уединенную полоску, тянущуюся между двумя кварталами.

И тут же Саша осадил себя. Какой пьяный! Утро на дворе! Пьяный бы уже давно проспался и убрался восвояси. Значит, кто-то в темноте на валах упал, ушибся, может быть, даже ногу подвернул, а теперь лежит и не может встать. И Сашка его спасет. Тошную грудь молодого человека так и расперло от гордости. У него даже руки слегка затряслись от волнения и радости. Вот повезло! Совершит подвиг! Спасет человека! Может, счастливый спасенный Сашке благодарность в Сети объявит. Или узнают о подвиге Саши журналисты и его даже по телевизору покажут. Вместе с Бароном.

От этих мыслей Саша перестал злиться на непослушного пса, хотя про себя пообещал, что Барон свое в воспитательных целях еще получит.

– Барон! Ты где?

– Гав-гав!

Мол, иди сюда! И Сашка пошел, клянясь, что, как бы ни проявил себя Барон, он за непослушание люлей получит. Вот только увиденное до такой степени поразило Сашку, что он

начисто забыл о своем решении. Среди скукожившейся от заморозков зелени он увидел совершенно нетипичное для этих мест строение. Впрочем, строением это назвать было сложно. Скорей уж ящик или коробка. Да, больше всего это напоминало грубо сколоченный из дешевой вагонки короб, причем гвозди были заколочены кое-как, словно вбивали их в темноте.

И кому могло прийти в голову установить его тут? Мальчишкам?

Тем не менее стоны, которые слышал Сашка, неслись именно из-под этого сооружения. Да и Барон стоял возле него, глядя то на хозяина, то на короб удивленно вытаращенными глазами. Мол, что это? Ты не знаешь?

Сашка не знал. Они с Бароном регулярно совершали рейд по валам, но ни вчера, ни в прошлые дни ничего похожего они тут не наблюдали. Откуда же этот короб тут взялся? И зачем? С какой целью его установили? Саша подошел еще ближе. Стоны стали громче. Кто же там находится?

Для человека короб был слишком мал. А вот для животного в самый раз. Вот только этот короб не имел отверстий, он был наглухо забит кривоватой вагонкой сорта так третьего, а то и четвертого. Доски были все сплошь в сучках и сколах. Несортная вещь, дешевка. Кто бы ни поставил здесь этот короб, меньше всего этот тип хотел серьезно потратиться.

Обойдя по кругу, Саша убедился, что короб не имеет ни входа, ни выхода, ни окошек, вообще никаких отверстий, кроме дырок от выпавших сучков. Наклонившись, Сашка попытался рассмотреть через дырочку, что делается внутри. Но там было слишком темно. Тогда он постучал по дереву:

– Тук-тук!

В ответ оттуда кто-то замычал. Определенно, внутри был кто-то живой. Но как он туда попал? Сашка попытался приподнять короб, ожидая, что тот окажется без дна. Но не тут-то было, дно имелось. А сам короб оказался настолько тяжелым, что Сашка едва сумел его перевернуть. После того как короб с грохотом перевернулся на бок, изнутри тоже тяжело чебурахнулось, и донесся оттуда даже уже не стон, а что-то больше похожее на ругательство:

– О-у-эть!

Сомнений не оставалось, внутри находится живое, и это живое – человек. Только человек, приземлившись неудачно, может изрыгать такие звуки.

– Кто там? Вы живы?

– Ы-ы! Ы-ы!

– Вам помочь?

Молчание. Похоже, человек собирался с духом, чтобы дать достойный ответ Саше. Но так как говорить внятно он по какой-то причине не мог, да и вообще ничего не мог толком, ответил он коротко:

– Угу.

– Я вас достану! – обрадовался Сашка. – Подождите.

Сначала он пытался отковырять вагонку голыми руками, но быстро убедился, что это невозможно. Вагонка была приколочена прочно, а потом поверху ее еще кто-то и обвязал жгутами металлической проволоки. Так что без инструмента тут справиться было невозможно. К счастью, до дома было всего несколько шагов. Саша сбегал за инструментом, а заодно позвал с собой и отца, который сперва отнесся к занятию сына весьма прохладно и даже назвал его охламоном, но потом, прибыв все-таки на валы и увидев короб, проникся важностью момента. А пнув по коробу и услышав изнутри ответный возглас, изумился до крайности.

– Т... ма...! Там же человек!

– А я тебе что говорю!

– Это кто же его туда определил? – продолжал изумляться отец.

– Не знаю. Давай выручать.

Но папаша выглядел как-то задумчиво.

– А надо ли? – вполголоса спросил он у сына.

Саша оторопел.

– Как это?

– Ну, я в том смысле, если человека в этот ящик запихнули, может, и за дело?

– И чего? Тут его оставить?

– Нет, конечно, – спохватился отец, – так тоже нельзя поступить. Ладно, будем надеяться, что он там не сильно буйный. Но в крайнем случае, если кинется, ты инструмент наготове перед собой держи. А я уж его сзади доской остужу.

Саша молча перерезал ножницами по металлу толстый проволоочный жгут, а потом начал с помощью лома и фомки отколупывать доски. Отец стоял рядом и держал в руках топорик.

– Я тебя прикрываю.

– Тебе что угодно, лишь бы не работать.

Папаша хотел обидеться, но в этот момент Сашка так удачно колупнул, что сразу несколько досок отвалилось, и вся передняя стенка упала.

– Батюшки! – ахнул папаша, узрев содержимое короба. – Это кто же вас так упаковал, уважаемый?

Но уважаемый ответить им ничего не мог. Он лишь таращился на белый свет, жмурился, а во рту у него торчал огромный кляп. И даже после того, как отец с сыном извлекли затычку из рта пострадавшего, он еще долгое время мог лишь мычать и издавать невнятные звуки. Наконец, дар речи к нему вернулся.

– Х-холодно! – стуча зубами, признался он.

И это было совсем не удивительно. На потерпевшем не было даже трусов. Лишь плечи его прикрывала какая-то шерстяная простынка, как выяснилось, это была подстилка, которая упала на него сверху, когда Саша перевернул короб.

– Он же замерзнет!

Вообще-то если до сих пор не замерз, то теперь, на солнышке, уж точно не замерзнет. Но со старшими не спорят. И Саше пришлось еще раз сбегать домой, взять кое-какую старую одежду и принести пострадавшему. Отец лишь крикнул, когда увидел свою рыбацкую куртку, которую он считал счастливой и по этой причине не разрешал ее стирать.

– Нашел, сынок, что взять. Спасибо тебе!

– Что мама дала, то я и взял.

Отец снова крикнул, но возражать жене даже заочно все же не осмелился. По горькому опыту знал, это может оказаться себе дороже. Немного утешило папашу то обстоятельство, что штаны пострадавшему попались бабкины, а кроссовки Сашкины. Какая ни есть, а все же справедливость. Хотя сравнивать свою счастливую рыбацкую удачу с бабкиными панталонами... М-да...

Саша тоже печально смотрел на свои кроссовки, в которые спасенный ими мужик совал свои ноги. И ноги у него были не сказать, чтобы шибко чистые.

– Ну, мама! Ну, удружила!

Отец тут же откликнулся:

– А чего ей не раздавать наши вещи? Легко быть щедрой за чужой-то счет.

От своих щедрот супруга выделила лишь пару бутербродов с колбасой и бутылку с горячим сладким чаем, к которой пострадавший и присосался. Постепенно краски стали к нему возвращаться. Он порозовел, щеки и шея покраснели, а кончик носа сделался и вовсе багрово-сизым. Пока мужчина насыщался, у Сашки была возможность хорошенько его рассмотреть. Нет, красавцем он точно не был. Тучное тело, жирное дряблое брюхо. Мужiku на вид было лет пятьдесят. Сильно поредевшие, какие-то засаленные пегие волосы, щетина, запах перегара, который исходил от него даже сейчас. И маленькие бегающие глазки, словно бы прячущиеся временами за набрякшими веками.

Противный какой-то.

– Кто это вас так?

Мужик молча покачал головой:

– Ничего не помню.

– А за что?

На этот вопрос мужик даже не стал отвечать. Не съел, а сожрал оба маминых бутерброда, буквально запихивая их в себя огромными кусками.

– Больше ничего нет?

И был явно недоволен, когда Саша покачал головой.

К этому времени возле потерпевшего начала собираться толпа. Но он к общению был не склонен. Рвался встать и уйти.

– Подождите! – воскликнули отец с Сашей практически одновременно. – Нельзя же так!

– Надо во всем разобраться.

– Найти тех, кто с вами это сделал.

– И чего? – буркнул мужик, но остановился. – Найдут их, и что? Максимум хулиганку впаяют. Было бы из-за чего пачкаться.

– Вы же умереть могли. От переохлаждения или от голода. Вдруг бы вас нашли не сегодня, а завтра или через несколько дней? Это же покушение на убийство получается. Совсем другая статья. И срок по ней тоже другой.

Услышав, что есть реальная возможность отомстить таинственным недругам по полной программе и есть сочувствующие, которые помогут ему это сделать, мужик перестал агачиться.

– Ладно, – снисходительно кивнул он. – Двигаем в отделение, если так приспичило. Только, чур, все вы будете мои свидетели!

Сашке идти в отделение вместе со всеми почему-то совсем не хотелось. Он чувствовал, что эта история, начинавшаяся так интересно, начинает со временем пахнуть все хуже и хуже. Совсем точно так же, как и сам главный ее участник.

Глава 2

В отделении пострадавший, который представился Евгением Петровичем Кузиным, временно нигде не работающим, рассказал наконец свою историю. Оказалось, что вчера в пятом часу вечера к нему подошли двое граждан, которые искали третьего, чтобы сообразить на выпивку. Свой свояка визит издалека, поэтому Евгений Петрович, или, как его чаще называли, Жека, с легкостью согласился принять участие в распитии беленькой. Тем более что и сам он, прогуливаясь по свежему воздуху, задумывался о том же самом. Вот только из денег у него в кармане завалилась лишь потрепанная полташка. А много ли на нее купишь по нынешним-то временам?

– Я человек честный, я им сразу сказал, что у меня полташ и больше ни копия нет!

Но будущие собутыльники заверили Жеку, что именно столько им и нужно. Столько им как раз и не хватает. Кроме того, они объяснили, что у них уже имеется при себе целая канистра коньячного спирта. Услышав о канистре, Жека мигом перестал колебаться. Подумать только, целых пять литров бухла на них троих. Жека решил, что это точно выгодное предложение, потому что в собственных способностях даже не сомневался. Он вольет в себя и литр, а если будет время, то и больше поместит. И все это за какой-то полтинник!

– И вы начали пить?

– Да.

– Втроем?

– Да.

– И долго пили?

– Наверное, долго. Пять литров одним махом не одолеешь.

– А потом?

– Дальше не помню.

Очнулся Жека в крайне неудобном положении. Тело затекло, вдобавок было дико холодно – зуб на зуб не попадал. Вся одежда с него таинственным образом испарилась, трусов и тех не осталось. Зато вместо этого Жека обзавелся подстилкой, на которой сидел, и кляпом, которым был заткнут его рот. Ну и еще у него появилось жилье, правда, страшно тесное и неудобное, в котором было ни разогнуться, ни потянуться.

– Буквально не вздохнуть. Я сперва труханул, что меня живьем похоронили. Когда на кладбище подрабатывал, слышал, что бывают такие случаи, когда людей в гробах живьем в землю опускали. Но потом понял, что воздух ко мне идет. Да и на гроб не похоже. В гробу-то вон как улечься вольготно можно, а меня в какую-то конуру запихнули.

Хотя немедленная смерть от удушья Жеке и не грозила, воздух через щели поступал к нему свободно, однако выбраться наружу он все же не мог. Руки и ноги у него оказались то ли связанными, то ли так затекли, что отказывались слушаться хозяина. А выломать плечом или коленом доску у Жеки тоже не получилось. И все же попытки освободиться имели одно положительное свойство, а именно: Жека хоть немного, но все же согрелся.

Убедившись, что собственными силами ему не справиться, мужик стал звать на помощь. Ему до безумия хотелось покинуть свой ящик и выбраться наружу. В безмолвных призывах о помощи – рот у него был заткнут – минуты полетели незаметно. Но лишь спустя какое-то время его нашли добрые люди.

– Вас нашел Барон! Мой пес!

Жека покачал головой:

– Кто бы мог подумать, что собака меня из беды выручит. Сколько я их на своем веку, блохастых, передушил, а какой-то кобель меня спас. Тьфу, пакость!

После таких слов Сашке этот тип стал еще более неприятен. Ни стыда у человека, ни совести. Признаваться в столь чудовищном преступлении и глазом при этом не моргнуть. Однако Саша с удивлением отметил, что женская часть собравшихся по большей части взирает на Жеку с какой-то даже симпатией. Что могло женщинам показаться в Жеке привлекательным, Саша решительно не понимал.

Но кажется, и сам Жека вовсе не считал, что делал что-то противозаконное или неправильное, когда избавлял мир от четвероногих его обитателей.

– У соседей моих в деревне гавкалка была, – весело ухмыляясь, принялся он рассказывать о своих приключениях. – Что ни ночь, то она давай гав-гав-гав! Ну, я терпел, терпел, а потом как-то ночью подкрался незаметно поближе да и кинул в нее полено, из нее сразу и дух вон! Тихо так в округе стало, благодать прямо. Утром соседи, конечно, разлаялись. Собачонку им, видишь ли, жалко было. А что она покоя никому не давала, это они не думают. Слово за слово, хотели меня в полицию тащить. Да только и я не прост. Поди, говорю, докажи, что это я вашу псину успокоил. А другие соседи мне еще спасибо сказали, ни у кого решимости не хватило, чтобы брехливого пса уговорить, а я героем дня оказался. Ну и дальше по жизни я псин уму-разуму вдоволь поучил. У меня не забалуешь, так-то вот!

Сашка заметил, что после этой речи число зрителей мужского пола как-то уменьшилось. Особенно быстро испарились из кабинета те, кто стоял ближе к дверям. А немногие оставшиеся и находящиеся слишком далеко от дверей тоже затосковали. Никому теперь не хотелось помогать этому мучителю собак. Но что людям было делать, если участковый никого из них не отпускал? И даже напротив, заметив, что ряды свидетелей поредели, строгим голосом велел всем оставаться на своих местах.

– Вернемся к вашим собутыльникам, – произнес он, снова повернувшись к потерпевшему. – Имена их знаете?

– Одного вроде бы Толиком звали, – неуверенно произнес Жека. – А второго... Ваней? Или Васей? Точно, Васек! Вася!

– А фамилии?

– Вот фамилий я у них не спрашивал. На что мне их фамилии?

– Где работают?

– Да нигде. Перебиваются потихоньку. Васек вроде как пенсию получает. А где Ваня работает, я не знаю.

– Живут где?

– В гости они меня к себе не звали.

– Выпивали где?

– В парке мы устроились.

– В каком?

Жека назвал парк.

– Полюстрово? Это же на другом конце города, – удивился участковый.

– А я знаю? На другом, значит, на другом.

– Но почему вы с этими двумя гражданами именно туда поехали?

– Во-первых, не поехали, а пошли. А во-вторых, куда же еще? Солнышко пригревало, благодать на природе.

– Но почему вас троих потянуло в такую даль?

– Где там даль? – удивился Жека. – Дорогу просто перешли, и порядок.

– Значит, вы живете в районе Полюстрово?

– Ну да, – спокойно подтвердил Жека. – Там я и живу. Улица Синявинская. А встретились мы с этими на Революции. Ровнехонько перед «Дикси». Меня моя баба туда за батоном послала. И полташ этот тоже она дала. Я еще прикидывал, как бы мне из этих денег на пиво себе выкроить, а тут такая удача. Кто бы отказался? Только не я!

Участковый задумчиво смотрел на потерпевшего. Экая незадача. Происшествие вроде как произошло на его участке, но завязочка-то случилась совсем в другом месте. И как теперь быть? Не избежать волокиты с координацией своей работы и работы другого отдела. Ох, не любил этого опытный участковый, очень не любил. Хлопот не оберешься. А если что пойдет не так и выговор влепят, то уж точно влепят его обоим. А вот если наградят, то награду придется делить пополам. Никакой особой выгоды, одна сплошная беготня и головная боль.

Нет, не хотелось участковому заниматься этим делом. Не казалось оно ему чем-то серьезным, на чем легко можно заработать известность.

И все же для очистки совести он спросил у потерпевшего:

- Врагов имеете?
- Какие такие враги? Нету у меня врагов.
- Может, провинились перед кем?
- Вины никакой не чувствую.

Но все же Жека при последнем вопросе заметно смутился. И это не укрылось от глаз участкового.

- Со всеми в дружбе состоите?
- Человек я маленький, какие могут быть у маленького человека враги?
- Возле места происшествия обнаружены следы покрывшек, которые, судя по размерам, могли принадлежать грузовичку ГАЗ «Соболь». Ездит у вас кто-нибудь знакомый на такой машине?

На этот раз Жека думал долго и основательно. Но был вынужден помотать головой.

- Нету у меня врагов. Я человек мирный. Какие еще там враги?
- Тогда как объясните, что кому-то понадобилось прятать вас в эту будку, да еще нагим, и так заботиться о том, чтобы вы самостоятельно не смогли из нее выбраться?

– Пошутил кто, не иначе. Я вот по телевизору видел передачу, так там богатенькие сыночки рассказывали, как они карточные долги отрабатывают. На деньги не играют, денег у каждого из них вагон, скучно им на деньги. Так они на желания придумали. Проиграл, изволь выполнить желание счастливики. Захочет он, чтобы ты под мостом пролетел на парашуте или голяком проехал в автобусе в час пик, изволь исполнять. А не исполнишь, с тобой играть больше не сядут.

- А вы с кем в карты играли? С этими вашими Толей и Васьком?
- Я сам не играл. Это я к тому говорю, что эти шутики и с другими людьми тоже свои шутики шутят. С совсем посторонними. Видят, что на улице человек спит, схватят его и давай шутики свои с ним шутить.

- А вы на улице спали?
- После полутора литров спирта я мог и на проезжей части уснуть.
- Внешность своих приятелей описать сможете?

Жека попытался, но получалось плохо. Облик случайных собутыльников расплывался в памяти.

- Увижу, узнаю! – пообещал он.

Участковый воодушевился:

- Тогда пойдемте. Покажу вам портреты. Авось узнаете там кого-нибудь знакомого. Свидетели заволновались.
- А мы как же? Нам куда?

– А вы, граждане, расходитесь. Спасибо вам за вашу гражданскую ответственность, но вы нам больше не нужны.

Услышав это, толпа потихоньку растворилась. В душе каждый радовался, что это дело не заняло у них слишком много времени. А вот Саша остался. Куда бы он пошел, если Жека до сих пор щеголял в счастливой отцовской куртке, бабкиных штанах и его собственных кроссовках?

– Ну дает мама. В следующий раз сам буду смотреть, что она там отдает чужим людям.

Барон, который сидел у ног Саши, сочувственно посмотрел на него. Как героя дня, собаку тоже пропустили в полицейское отделение и разрешили присутствовать при беседе. Барон сидел рядом с Сашей и подойти к Жеке попыток не делал. Пес всегда очень чутко реагировал на людей. И к разным людям он относился тоже по-разному.

Нет, не то чтобы он кого-то гнал или обижал. Пес был очень ласковым, никогда не рычал на людей и не проявлял даже к посторонним никакой агрессии. Но все же Саша замечал, что к одним людям Барон ластился изо всех сил, а других едва изволил обнюхать. Для одних его хвост вертелся, словно пропеллер. А для других Барон и двух раз дернуть хвостом ленился. Что касается Жеки, то Барон едва его понюхал, сразу же чихнул и отошел подальше, да еще и хвост поджал вместо того, чтобы поработать им.

Жека не появлялся долго. Наконец, они вместе с участковым вышли из соседней комнаты. Жека сиял.

– Он это! – убежденно твердил. – Васек!

– Точно?

– Узнал я его. Конечно, на фотке он у вас помоложе чуток, да и стриженный. Но это он, сто пудов.

Саша поднялся им навстречу.

– Повезло, – сказал ему участковый, который находился в приподнятом настроении, – похоже, нашелся свидетель, с которым они вчера вместе в парке коньяк распивали. Надо бы поехать да расспросить, что этот человек помнит из вчерашнего. И что с ним вообще происходит. Может, и он тоже того – в такой же будке где-нибудь на задворках своего района кукует.

Высказавшись, участковый тем не менее не сделал никакой попытки, свидетельствующей о его намерении покинуть родное отделение. Сел за стол и начал заполнять какие-то бумаги, то и дело громко вздыхая, что и рад бы поехать, да вот дела, служба, времени совсем нет. Конечно, поедет, но когда-нибудь так... потом.

Жека томился. Сашка отирался неподалеку, то и дело поглядывая то на Жеку, то на участкового. Сашку томила своя собственная печаль. На ногах Жеки красовались его кроссы. Если бы речь шла об одной отцовской куртке, Сашка бы уже давно махнул отсюда, не глядя. Но кроссовки! Его любимые кроссы! И как он мог позволить матери сунуть их в мешок с вещами? Не углядел. Проворонил. А теперь уже поздно. Надо ждать, пока Жека разуется. А для этого надо доставить Жеку до его дома, где тот сможет переобуться.

– А что, если я сам с тем свидетелем переговорю? – решил наконец Саша. – Как его там? Васек?

– Ты?

Участковый поднял голову, и взгляд его вроде как просветлел, словно он воочию узрел перед собой спасение.

– А чего такого? – пожал плечами Саша. – Можете меня использовать как практиканта. Я на юрфаке учусь. Если этот Васек что-то помнит из вчерашнего, я вам позвоню. Только ведь он тоже мог так нажраться, что у него всю память отшибло. И как свидетель будет пустышкой. Что же вам ради пустышки на другой конец города мотаться?

Участковый теперь смотрел на Сашу уже не как на спасителя, а как на полноценного героя.

– А ты чего, и впрямь можешь съездить? Не шутишь?

– Так мне вещи назад все равно забрать надо. Мне так мать велела.

– Если мать, тогда конечно, – тут же решил участковый. – Поезжай. Но сам допрос не води.

– Я и права такого не имею.

– Только спроси у свидетеля, помнит он что-нибудь из вчерашнего дня. А еще лучше сразу его сюда тащи.

– Хорошо, притащу.

Участковый так обрадовался, что ему не придется самому ехать, что даже пожал Сашке руку. Также он дал Саше номер своего телефона, велел звонить в любой момент.

– Львом меня кличут.

И видя, что Сашка уже открыл рот, чтобы задать понятный вопрос, участковый поспешил его опередить:

– Нет, это не кличка. Родители меня в честь Льва Толстого называли. Думали, станет их сын писателем, а я вот тут околачиваюсь. Не оправдал я надежды своих родителей, одним словом.

– У вас прекрасная работа, – с чувством произнес Саша. – Лично я лишь мечтаю, что когда-нибудь буду заниматься таким же благородным делом, как и вы.

Участковый слегка оторопел от его признания и даже не нашелся, что ответить.

И вместо этого спросил:

– А ты сам-то там на валах никого не видел?

– Нет, никого. Хотя...

– Что?

– Какая-то женщина мелькнула. Но разглядеть я ее не успел.

– Женщина, говоришь? – задумчиво произнес участковый. – Это что же получается? Шерше ля фам? Или как там говорят французы? Как, брат, думаешь, поищем мы с тобой женщину, а?

Когда Саша уже выходил из отделения, сердце его пело. Наконец в его жизнь вошло настоящее полноценное приключение. Такое приключение, о котором он и помыслить даже не мог. И надо быть последним идиотом, чтобы упустить свой шанс.

Вдвоем с Жекой они отправились домой к нему. По дороге Жека выклянчил у Сашки сто рублей, якобы для поправки здоровья. На эти деньги Жека купил три банки крепленого пива, благо в магазине была акция три по цене двух. На старые дрожжи Жеку развезло уже после первой же выпитой банки. После второй он стал вести себя хулигански, так что их чуть было не высадили из метро. А уж после третьей Жека и вовсе пропал. Так что домой Саша доставил не Жеку, а всего лишь его бречное тело.

Дверь открыла пожилая женщина с худым серым и каким-то измученным лицом. Одного взгляда ей хватило, чтобы понять, в чем дело.

– С-с-котина! – с чувством произнесла она, глядя на Жеку. – Хоть бы ты подох поскорей, с-с-сволота!

– За что вы его так?

– Надоел! Хоть бы уж посадили его. Или бы помер. Освободил бы нам жилплощадь. Слышишь! Когда из квартиры выедешь?

И она пнула ногой Жеку. Тот в ответ пробормотал что-то невнятное и сделал попытку шаркнуть ножкой. Хозяйка плюнула и ушла в глубь квартиры.

– Эй, – растерялся Саша. – Вы куда? А как же... этот? Куда мне его девать?

Не оборачиваясь, женщина отозвалась:

– В комнату к нему тащи. Мне тут в коридоре эта пададь не нужна.

Квартира оказалась коммунальной. В ней жил сам Жека и трое его соседей. Двумя из них оказались бывшая жена Жеки со своим новым мужем и парень – бурят, купивший комнату в этой квартирке несколько лет назад и до сих пор неизменно раскаивающийся в содеянном. Именно он помог Саше затащить тяжеленного Жеку в его комнату. А сначала помог открыть дверь, потому что на двери был замок, а ключ от замка пришлось долго искать.

При себе Жека ключ по понятным причинам иметь не мог. Сначала Саша даже встревожился, что ключ пропал вместе с одеждой. Наконец заветный ключ обнаружился в карманах куртки Жеки, которая висела на крючке в прихожей.

– Тащим!

Во время этой процедуры сосед стонал не от тяжести груза, который приходилось переносить, а от своей горькой судьбинушки.

– Как же я сглупил! – жаловался он Саше. – Надо было в многокомнатной квартире жилье брать. Я думал, двое соседей – это лучше, чем целый табор. А теперь думаю, что лучше табор, чем эти трое.

– То у тебя двое, то уже трое.

– Когда въехал, двое было. Анна с мужем. А потом еще Жека подвалил. И зачем они его пустили? Никак не пойму. Самим от него одни проблемы.

– Шумят?

– Собачатся так, что сил никаких нету. А когда ссориться надоедает, в рукопашную идут. Жека здоровущий, он один против них двоих запросто устоять может. Но они не сдаются. То в сортире его запрут, то у дверей ванны корыто с помоями выставят, он выходит и сразу в него ногой. Представляете, какой ор тут иногда стоит?

– А почему не разъедутся?

– Так у Жеки никаких прав в этой квартире нет. Комната ему и та не принадлежит. Он в квартире только прописан, а собственность вся на его бывшей жене. Вот тетя Аня и старается его выписать, только ничего у нее не получается. Она и в суд обратилась, и адвоката наняла. Только пока у Жеки другого жилья не появится, выписать в никуда его тоже не могут. Нельзя же человека бомжом сделать. Нужно, чтобы кто-нибудь ему жилье и прописку предоставил. Вроде как город обещал жилье дать, да только обещанного три года ждут. А тут можно и все тридцать три прождать.

Саша слушал и мотал себе на ус. Ага! Значит, у бывшей супруги и ее нового сожителя был свой интерес, чтобы избавиться от Жеки. И шутки они с ним шутить любят вполне в духе той последней переделки, в которую Жека угодил. Если Жеку дома в сортире регулярно запирают и голым из ванны подкарауливают, могли две эти шутки родственнички совместить? Запросто.

Надо бы к этим личностям приглядеться получше.

Но когда он обратился к Ане с вопросом, как она относится к тому, что ее бывший муж мог этой ночью погибнуть, та даже не стала колебаться и ответила сразу и прямо:

– Да хоть бы уже скорей освободил нас! Сколько крови у меня этот душегуб выпил, тебе и не сказать. Ты-то сам с ним чего возишься?

Саша рассказал.

– Так это твои вещички на Жеке надеты? – смекнула женщина.

– Мои и папины.

– То-то я смотрю, что Жека вчера в другом из дома уходил.

– Вы его видели?

– Так это я этого дебила за хлебом и послала. Моему нынешнему в смену на ночь идти, а дома ни крошки. И у меня, как на грех, спину сильно прихватило, скрючило всю. Иди, говорю, Жека, хоть какой-то прок с тебя будет. И денег ему пятьдесят рублей дала. Думаю, на пятьдесят рублей не напьется, еще же и хлеб купить надо. А он как ушел, так и с концами. Где он так на пятьдесят рублей-то назюзился?

Пришлось Сашке поведать всю историю своего знакомства с Жекой от начала и до конца. Анна слушала, ахала и изумлялась.

– Господи, да что же это? Неужели мы этой ночью от этого нелюдя избавиться могли? Совсем! Вот уж кто бы сделал нам доброе дело!

– Нехорошо так говорить.

– А ты поживи с ним, – посоветовала Аня. – Небось не так еще запоешь.

Саша жить с Жекой решительно отказался. Забрал свои вещи, которые Аня помогла стянуть с храпящего Жеки, и отправился дальше. Как ни ругала Аня своего бывшего мужа, как ни проклинала его, почему-то Саша был уверен, у нее еще сохранились какие-то чувства к Жеке. Не могло быть такого, чтобы Аня пустила совсем уж постороннего человека в свою жизнь и в свою квартиру. Нашла бы возможность, чтобы этого избежать. И снова Саша подумал, чем может нравиться женщинам такой персонаж, как этот Жека?

Полученный Сашей от участкового адрес подозреваемого Василия Шубина находился в нескольких автобусных остановках от дома самого Жеки. Странно. А Саша думал, что Жека и его собутыльники живут в одном квартале, потому и вызвался с ними побеседовать, что думал, идти далеко не придется. А теперь вон сколько пехать или лучше поехать на транспорте. Да, лучше сесть на маршрутку, быстрее получится.

Тем не менее Саша не жалел о своем визите к Жеке. Аня, ее новый муж и их сосед внушали Саше серьезные подозрения. Вся троица совершенно не скрывала ненависти к Жеке, эти люди просто мечтали избавиться от его присутствия. И невольно в голову лезли нехорошие мысли. Не могли ли соседи Жеки сговориться и втроем проверить такое?

– Могли? – сам у себя спрашивал Саша и сам же себе отвечал: – Могли! Очень даже запросто.

Чтобы утихомирить характер Жеки, а возможно, что и его самого. И не на время, а навсегда. Ведь не найди Сашка ту конуру, Жеке так и сидеть бы в ней. И сколько сидеть? Конечно, днем валы место посещаемое, рано или поздно Жеку бы нашли и вызволили. Но ведь и за ночь можно богу душу отдать, особенно сидя в скрюченном положении в ящике, да еще голяком.

– От Жеки если не хотели избавиться, то явно не боялись, что он окочурится. Его соседи только этого и хотят.

Но прежде чем строить догадки, надо было сначала повидать Васька, собутыльника Жеки, и поговорить с ним. Вдруг этот друг-приятель признается, что знает, кто увозил вчера Жеку или уходил с ним. И даже приметы опишет. Или вовсе имена назовет. Вот это была бы удача!

Для того чтобы сделать Василия более разговорчивым, следовало запастись горячительным. Но что же взять? Сашка зашел в ближайший к дому Васька магазин, да так и замер перед прилавком с алкогольной продукцией. Однако! Как подскочили цены! Это откуда же Саше взять столько денег на выпивку для Василия? Самая дешевая бутылка стоила больше, чем мог позволить себе Сашка. Пришлось обратить взгляд на пиво. Тут дела обстояли не лучше. Но все-таки Сашке удалось найти полтора литра акционного пойла, зато по вполне приемлемой цене. Будет чем задобрить Васька!

Но к разочарованию Саши, упомянутый персонаж по месту регистрации не проживал. Дверь открыла кругленькая старушка, которая пояснила:

– Васька мой у Марины кантуется. Адрес? А на кой тебе нужен ее адрес?

– Я с Васей выпить пивка хотел.

Старуха неодобрительно покосилась на бутылку.

– Нашел на что деньги тратить. Это же безалкогольное. Васька на него и не посмотрит.

Саша чуть не заплакал от огорчения. Надо же так лопухнуться. Потратил деньги на безалкогольное пиво. Для алкаша такой подарок – это оскорбление в чистом виде.

– Возьмите, – протянул он пиво старушке.

Неожиданно та благосклонно приняла подарок.

– Сойдет вместо компота. Люблю иногда стаканчик пивка пропустить, а врачи не рекомендуют. Но это, наверное, можно.

И, убрав бутылку, она подобрела:

– Говори, зачем тебе мой Васька? И не ври мне про выпивку. Ты на его дружков-приятелей – ханыг да забудлыг – совсем не похож.

– Мне ему деньги отдать нужно.

Старуха рассмеялась.

– Это когда же у моего Василия деньги были, чтобы он тебе их одалживал? Снова промах. Даю тебе третью попытку. Последнюю.

– Ладно, скажу. Это не я у Василия, а он у меня денег в долг взял.

– Вот это уже похоже на правду, – вздохнула бабка. – И много взял?

– Тысячу.

– Плакали твои денежки. Васька тебе их нипочем не отдаст. И я не отдам. Таких дураков, которые моему сыну в долг верят, учить надо.

– Адрес Марины хоть дайте.

– Вон ее дом, – спокойно произнесла старушка, указывая рукой в окно. – А подъезд то ли второй, то ли третий, в середине дома, одним словом. И квартира на втором этаже. Дверь там ободранная. И на стенах про Маринку написано... Одним словом, сразу поймешь, что на место попал.

Саша поблагодарил старушку и отправился дальше. Квартиру Марины он и впрямь нашел без всякого труда. Стены вокруг были густо уснащены надписями, повествующими о характере обитательницы девятнадцатой квартиры. Получалось, что она редкостная шалава, динамо и еще кое-что совсем уж неприличное, хотя и известное с древних времен.

Денег на новое пиво у Сашки не было, так что он решил действовать наобум. Авось повезет. Позвонил и стал ждать, когда откроют. Ждать пришлось долго. Тут явно не привыкли торопиться или вставать рано. Саша раз за разом нажимал на кнопку звонка, пока не услышал, как за дверью кто-то копошится.

– Кто там?

Голос был женский. И Саша решил импровизировать.

– Марина – это я! Открой.

Дверь открылась. На пороге возник весьма потрепанный персонаж в растянутых спортивных штанах и футболке, чей первоначальный цвет сейчас было уже и не разобрать. Волосы стояли дыбом, а опухшую физиономию обильно украшали свежие кровоподтеки.

– Марина?

Существо кивнуло. Саша с удивлением осознал, что существо, оказывается, женского пола. А вот и тонкая цепочка на шее, да еще с крестиком!

– Тебе чего? – прошептала женщина, с трудом ворочая разбитыми губами, на которых еще виднелась местами свежая, местами запекшаяся кровь.

– Мне? – Саша даже растерялся. – Может, вам помощь нужна?

Казалось, Марина удивилась. Помедлив, она все же кивнула.

– Пригодится. Пошли.

Саша шагнул через порог и оказался внутри квартиры, чудней и диковинней которой ему еще видеть не приходилось.

Глава 3

Сначала Саша оказался в чем-то, по внешнему виду и содержанию сильно напоминающем кладовку. Обе стороны от двери были заняты многочисленными полочками, которые шли от пола и до самого потолка и были обильно заставлены всякой пыльной всячиной. Обрывки проводов оплетали банки с давно засохшей краской. Полиэтиленовые пакеты небрежно прикрывали кукол с давно отклеившимися париками и мишек, которым было от роду сто лет. Разводной ключ лежал на уровне головы Саши и выглядел довольно угрожающе.

– Пошли, чего застыл? Обещал помочь, так шуруй за мной.

И Саша «пошуровал» дальше. Он вертел головой и поражался про себя. Ну и квартира! Какая-то лавка старьевщика, а не дом. Но если в прихожей и коридоре стоял реально всякий хлам, какой можно найти на помойке, то в комнате, куда Марина привела гостя, старье выглядело уже куда более занимательно. Тут среди обычной рухляди попадались и более ценные на вид вещи.

Повсюду, насколько хватало глаз, на полу, на столах, на полках, стенах и шкафах громоздилось какое-то помоечное добро. Разномастные бюсты и головы вождей мировой пролетарской революции, а также их портреты. Рядом с ними вазы стеклянные, фарфоровые, керамические и даже металлические. Погнутые, с трещинами и сколами. Фарфоровые фигурки с отбитыми носами, руками или ногами. Треснутые чашки, блюдца, тарелки, супницы и селедочницы. Одних только помятых и каких-то обглоданных глобусов Саша насчитал целых шесть штук. Три были обычных бумажных, один латунный, другой стеклянный и еще один был самый красивый, сложенный из цветных камешков. Некоторые камешки отсутствовали, так что на месте штата Коннектикут на этом земном шаре красовалась выразительная дыра.

– Слушай, ты так головой по сторонам не крути, – велела ему Марина. – И не вздумай чего слямзить.

– Да что же тут брать?

– Не знаю что, а только не бери. Мне-то для хорошего человека ничего не жалко, только это все не мое!

– А чье?

– Реставраторов.

– Каких?

– Обыкновенных! – разозлилась женщина. – Слушай, ты мне помочь пришел или вопросы задавать!

Вообще-то вопросы. Но сообщать об этом было явно рано.

– А где твой Василий?

– Хрен знает, где его носит. Как вчера днем утопал, так и нет его до сих пор.

– Может, случилось с ним чего?

– Случилось у меня, – угрюмо произнесла Марина. – А у этого урода может случиться только то, что он нажрался без меня да и заснул где-нибудь у друзей. Ничего, проспится – притопает. Небось не в первый раз. Ты лучше сюда взгляни, что тут случилось!

Марина указывала рукой вниз. Саша взглянул туда же и удивился еще больше. Ладно стены, ладно потолок, с которого свисало без малого полтора десятка разнокалиберных люстр и плафонов попеременно с моделями аэропланов. Но еще и весь пол данной комнаты был покрыт шариками – маленькими и большими, стеклянными и костяными, из блестящего золотистого металла и из тусклого черного.

– Это что?

– Инсталляция. Верней, бывшая инсталляция. Это все, что от нее осталось. Вон там на самом верху она у них стояла.

И Марина подтянула худую руку куда-то вверх, указывая на массивный платяной шкаф, дверцы которого приоткрылись, словно не в силах были вместить в себя весь тот хлам, который хозяева затолкали внутрь. Ручки были перевязаны мужским галстуком в крапинку. А из образовавшейся щели выглядывал то ли носок, то ли чулок. Вязка была ручной и очень изящной. Если бы не спущенная петля, такой чулочек согласилась бы надеть и современная модница.

– Там наверху эта фигня у них и стояла.

И Марина показала две стеклянные половинки, видимо, когда-то являвшиеся одним целым шаром.

– А росту не хватает. Руки снизу тяну, а она возьми и разломись прямо у меня над головой пополам.

Саша покосился на лицо хозяйки. Ему показалось, что некоторые отметины на ее распухшей физиономии имеют слишком уж правильную округлую форму.

И его осенило.

– Так все эти маленькие шарики лежали внутри этого большого? И они на вас просыпались?

– Поможешь собрать? – с надеждой спросила Марина. – А то они раскатились по всей комнате, а у меня башка кружится, наклоняться за ними не могу.

– Я вам шарики, а вы мне номер телефона Василия.

– Нету у Васьки аппарата.

– Как же так?

– Не пользуется. Да и зачем тебе его телефон? Сам скоро припрется.

И Марина поторопила своего помощника:

– Шевелись быстрее. Надо до прихода Васьки все эти шарики собрать. Ваську сюда в эту комнату пускать нельзя. Обязательно чего-нибудь сопрет у квартирантов.

Ага! Значит, в этой квартире обитают еще какие-то люди. Саша отметил это обстоятельство, но значения ему в тот момент не придал. Все его внимание сосредоточилось на шариках, которые нужно было собрать по комнате и сложить обратно в прозрачную сферу. Задача эта только на первый взгляд казалась простенькой. На деле все получилось куда хуже. Шарики раскатились по всей комнате, по углам, спрятались за мебелью, которой здесь был заставлен каждый пяточок. Свободного пространства в комнате почти не осталось. С Саши сошло семь потов, прежде чем он хотя бы на треть заполнил одну половинку расколовшейся сферы.

– Откуда тут весь этот хлам? – спросил он у Марины, которая тоже ползала на коленях, ловко лавируя между швейными машинками типа «Зингер», напольными часами с боем и какими-то этажерками и туалетными столиками с обшарпанными временем дверцами, украшенными все еще прелестной, хотя и поврежденной местами резьбой.

– Это не хлам. Это антиквариат.

– Какой же это антиквариат? Кто такое облезлое и потрескавшееся старье купит?

И Саша поднял стул с ободранной обивкой и с трещиной вдоль одной из ножек. Под стулом обнаружилось сразу три шарика.

Тем не менее Саша сказал:

– На таком стуле и сидеть-то нельзя.

– Сейчас нельзя. А после ремонта будет можно.

Но Саша не успокаивался.

– А это куда? – спросил он, сдвинув в сторону маленький комодик, который буквально разваливался на части, единственное, что удерживало его части вместе – это были его ящики, еще как-то державшиеся.

Ящички были украшены очень тонкой инкрустацией слоновой костью, тем не менее, местами кость выкрошилась. И Саша с полным на то основанием заявил:

– Лично я бы такой комод и даром не взял.

– Тебе и не предлагают! – огрызнулась на него Марина. – Ищи шарики, разболтался он! Люди, наверное, знают, что делают. Они всякий хлам у стариков скупают не просто так. Хотя и копейки платят, а все же деньги.

– А зачем покупают?

– Отреставрируют, а потом втридорога продадут.

– Что тут реставрировать? Все же буквально разваливается!

– Что-то целое всегда можно найти. Возьмут крышку от стола, лаком ее покроют, как новенькая будет, а ножки уже к тому же столу новые выточат.

– Что же это за старинная вещь, если ножки новые?

– Если в вещи есть хотя бы десять процентов старины, она тоже антиквариатом считается.

Саша этого правила не знал и потому примолк. Оказывается, как непросто все в этом мире. Думаешь одно, а оно совсем не так.

Наконец шарики были собраны и сложены. Сфера заполнилась почти целиком. После того как ее швы обклеили прозрачным скотчем, сферу можно было ставить на место. Саша лично поставил странную инсталляцию на шкаф и признал, что снизу она смотрится целехонькой.

– Сойдет, – великодушно произнесла Марина. – Авось хозяева этой хрени ничего не заметят.

Саша с облегчением вздохнул. Ползать на карачках и корточках по грязному полу было еще тем удовольствием. Он двадцать раз уже пожалел, что ввязался в это дело. Но как раз в этот момент раздался звонок в дверь. И Марина метнулась к выходу, потянув за собой и Сашу. Оказавшись в коридоре, она первым делом проворно заперла за собой дверь комнаты на ключ, который спрятала за какую-то пластиковую коробочку.

Только после этого Марина впустила в квартиру маленького тщедушного мужичка, весь вид которого говорил о крайней степени неблагополучия.

– Васька! – всплеснула руками Марина. – Это где же ты так уделался?

Мужчина в ответ лишь простонал. Он вошел и не сел, а буквально рухнул на колченогий стул, стоящий у входа.

– Дай мне попить.

Пока Марина бегала на кухню за водой, у Саши была возможность хорошенько разглядеть привалившегося к спинке стула персонажа. Пахло от него не очень. Одежда на нем была измята и испачкана землей. Волосы всклокочены, вдобавок в них застряли какие-то веточки, травинки и прочий мусор.

– Ты что, на земле спал? – спросила вернувшаяся Марина.

– Да, там... в парке.

– Как ты в парке-то оказался, горе ты луковое?

– Засиделись с ребятами вчера. Задремал я. Утром проснулся, ничего не могу уразуметь. Где я? Кругом стены голые, а вчера вроде как деревья были. Оказывается, меня ночью патруль забрал. Подло!

– Хорошо сделали!

– Почему?

– Ты же мог замерзнуть!

– Нет, в камере тепло было.

– А в парке! Если бы тебя не подобрали? Ты бы простудился! Ночью уже холодно. А у тебя и так бронхит. Вспомни о нем!

Вспомнив о своем бронхите, Василий тут же закашлялся.

– Боже мой! – всполошилась Марина. – Ты все-таки заболел! Немедленно иди в кровать. Нет, сначала в ванну. Тебе нужно прогреться!

И Марина захлопотала возле своего мужчины. Тот смотрел на нее с нежностью. Заметив синяки, он встревожился.

– А что у тебя с лицом, Мариночка? Тебя что били?

И грозно взглянул на Сашку. Уж не ты ли посмел тронуть мою женщину?

– Никто меня не бил. Будто не знаешь, я сама, кого хочешь, поколотить могу, – отозвалась Марина и добавила: – Да, Вася, совсем забыла. У этого мальчика к тебе какое-то дело.

– Ко мне?

С помощью жены Василий встал на ноги и взглянул на Сашу:

– Что вам угодно, молодой человек?

– Всего лишь получить от вас одну справку. Вы же вчерашний вечер провели в компании с Толей и Женей?

– Да, с Анатолием – это мой сосед и давний друг, – величественно качнул головой Василий. – И Евгением Петровичем. Он в нашем обществе человек новый. И его я не имею чести знать так хорошо, как Анатолия. Евгения Петровича я видел вчера впервые в жизни.

– И тем не менее захотели его угостить?

– А в чем дело? – насторожился Василий. – С Евгением Петровичем что-то не в порядке после совместно выпитого?

Не в порядке – это еще мягко сказано!

– Вы помните, как Евгений Петрович от вас удалился? В каком часу это было?

– Не обладаю хронометром для наблюдения за течением времени, – отозвался Васек. – Не нуждаюсь в оном и даже считаю его богопротивной вещью. По моему глубокому убеждению, время – это свободный поток, измерять или влиять на которое недопустимо. Время должно свободно перетекать в пространстве, единственное допустимое со стороны человека – это свободное от всяких приборов наблюдение за его течением.

Все ясно. Саша попал на худший вид алкоголика. Он встретил пьяницу-философа. Такие способны заговорить до смерти любого, кто согласится их слушать.

– Значит, когда Евгений Петрович удалился, вы не помните. А с кем он ушел – это вы помните?

– Я не обратил на это внимания.

– Спали?

– Немного задремал. Солнышко пригревало, я предался размышлениям о бренности всего сущего, о краткости человеческого пребывания в этом мире, и как-то незаметно мысли мои уплыли в страну Морфея.

Если Морфея помнит, значит, мозг не окончательно пропал. Должен что-то сказать внятное. И Саша продолжал допытываться. Но узнать ему удалось немного. Если продраťся сквозь дебри иносказаний, которыми философ Васек щедро уснащал свою речь, картина получалась следующей. У них с Толиком на двоих была целая канистра спирта, которую им требовалось распить с кем-то третьим. И этот третий нашелся в лице Евгения Петровича, который маялся с тоскливым видом возле универмага и очень подходил для их целей.

– Через дорогу располагался чудесный парк, в который мы и отправились.

Да, парк, о котором упоминал Жека, находился возле его дома. А вот Васек жил подальше. И Толя, о котором он говорил, тоже.

– Получается, вы с Анатолием от своего дома до дома Жеки проехали пять автобусных остановок? А зачем?

Васек смутился.

– Какое это имеет значение?

– Вы лучше говорите всю правду, – велел ему Саша. – Потому что иначе вас могут привлечь за попытку покушения на жизнь человека.

– На чью жизнь я покушался?

– На жизнь Евгения Петровича.

И Саша рассказал, в каком состоянии найден был сегодня утром Жека.

Васек встревожился.

– Я тут ни при чем! Совершенно ни при чем. Они всего лишь просили меня помочь им.

– Кто они?

– Они.

И Васек неопределенно мотнул головой. Саша проследил за движением головы. Получалось в сторону двери, которую только что закрыла за собой на ключ Марина.

– Они сказали, что у Евгения Петровича дома есть вещь, которую им очень хотелось бы иметь. А он заартачился и нипочем не хочет скинуть цену. Вот они и решили его немного... угостить, думая, что выпитый алкоголь сделает Евгения Петровича куда более сговорчивым.

– Значит, канистру со спиртом вам кто-то дал?

– Да. Они дали.

И снова последовал кивок головой в неопределенном направлении. Теперь искать следовало где-то в направлении кухни этой странной квартиры.

– И они тоже были с вами в парке?

– Они присутствовали, но не явно.

– Как это?

– Ожидали в сторонке, пока Евгений Петрович дойдет до нужной кондиции.

Надо понимать, что первым до кондиции дошел сам Вася, потому что совершенно не помнил, что там приключилось дальше с Жекой или, как он его называл, Евгением Петровичем.

– А кто они такие?

– Люди. Обычные люди, как и все мы. Живут, общаются, иногда гадят.

На сей раз кивок последовал в сторону санузла.

– Мужчины они хоть или женщины?

– Мужчины.

– Обрисовать их приметы можете?

– Внешность у них была незапоминающаяся. Один повыше, другой пониже. Волосы под головными уборами. Темные очки. Темная одежда. У одного еще и бородка. Элегантная такая, я его еще Графом про себя прозвал.

– И вы согласились принять от незнакомых вам людей спиртное, а потом с друзьями выпили его? И не побоялись?

Васек молчал, явно не понимая сути вопроса. Если есть спиртное, отчего бы его и не выпить. Чего тут бояться?

– Вы же могли отравиться. Мало ли какой спирт был в той канистре!

– Жизнь, молодой человек, для того и существует, чтобы когда-нибудь закончиться. И не нам решать, когда это случится.

– Да я посмотрю, вы не только философ, но еще и фаталист!

Васек склонил голову в знак согласия, да, кажется, так со склоненной головой и задремал. Саша не стал его тревожить. Было ясно, что Васек уже сказал все, что знал.

– А как я могу найти упомянутого Анатолия?

За спящего мужа ответила Марина.

– Толик живет на первом этаже в доме у Васиной мамы.

Значит, чтобы поговорить с третьим участником попойки, придется возвращаться назад к дому Василия и его мамы. Хорошо, что хоть недалеко.

– Но этот Толик сейчас дома?

– А где же ему еще быть.

Толик и впрямь оказался дома. Выглядел он неплохо. И сразу же подтвердил, что вчера ушел из парка своими ногами. Правда, случилось это не благодаря его собственной выдержке и сознательности, а по другой причине.

– Меньшой мой до дома доставил. Он из музыкалки возвращался, меня увидел и подобрал.

– А подробности?

– Деталей не помню. Даже непонятно, с чего вдруг?

Действительно, пять литров на троих, и с чего вдруг память отшибло!

Но у Анатолия был свой взгляд на эти вещи.

– Не иначе как подмешивают они что-то в этот спирт, травят русский народ.

Так ты не пей! Вот что хотел сказать ему в ответ Саша. Не пей невесть что и невесть с кем. И все у тебя будет в порядке.

Был вызван для разговора сын Анатолия. Мальчику от роду было девять лет, и он спокойно подтвердил, что вчера в седьмом часу вечера шел из музыкальной школы к остановке через парк, по пути увидел папу, который был уже порядком под градусом.

– Твой папа был один?

– Нет. Там с ним были еще трое.

– Трое? Ты точно помнишь, что трое?

– Считать до четырех умею.

– И ты их знаешь?

– Одного знаю. Дядю Васю. Они с папой дружат. Дядя Вася к нам иногда заходит.

– А двух других ты знаешь?

– Их я не знаю.

Вот и все. Вот и приплыли. Ну, допустим, Жеку этот мальчик и не мог знать. Но это минус один. А был в компании выпивох еще кто-то. Получается, что в компании был еще кто-то четвертый, о котором ни Васек, ни Жека, ни Толя даже пока что не упомянули. Был он с ними изначально или появился затем, когда трое любителей дармовой выпивки уже достигли определенного градуса? Скорей всего последнее.

Толик клятвенно заверил:

– Трое нас было! Я, Васек и Женя. И все!

– А мальчик ваш говорит: четверых человек видел.

Толик почесал репу.

– Мальцу, конечно, видней, он же трезвый был.

– И кто этот четвертый?

– Не помню я никого. Наверное, он позже к нам присоединился, когда у меня память уже не работала как надо.

Вероятно, так оно и случилось. Но кто был этот четвертый? Один из тех, кто предложил Ваську дармовую выпивку в обмен на приглашение Жеки к общему застолью? Или это был кто-то другой? Опять же. Как долго этот другой оставался в парке? Может, пришел случайно, посидел да и ушел? А может, пришел, посидел да и ушел, забрав с собой того же Жеку? Увы, ни Вася, ни Толик, ни даже сам Жека объяснить этого не брались.

– А внешность тех двоих ты не запомнил?

– Один противный такой. Рожа толстая. Нос сизый и сам красный. Мне он не понравился. А второй симпатичный. Я даже удивился, что он там забыл. Он один из них трезвый был.

Услышав про трезвого участника застолья, Саша оживился. Похоже, что-то наклевывается. Трезвый с пьяными просто так сидеть не будет, только если ему от них что-то надо. Определенно, у этого четвертого было какое-то дело.

– Опиши мне этого трезвого, – попросил он.

– Одет аккуратно, очки темные, борода.

– Бородка? А какая? Длинная?

– Нет. Такая... как у испанцев. Сейчас покажу.

Мальчик куда-то ушел, потом вернулся с учебником истории и раскрыл на завоевании Америки конкистадорами.

– Вот, – ткнул мальчик в главного, надо полагать, долженствующего изображать Кортеса. – Такая борода и была у того мужчины. Он о чем-то с тем противным разговаривал. А когда мы с папой ушли, они тоже поднялись и пошли. Но не за нами, а в другую сторону. Дядя Вася один в парке оставался.

– А бородатый с противным потом ушли? Или уехали?

– Не знаю.

– Этот с бородкой он на машине был? Его кто-нибудь еще ждал?

– Не видел. Я папу забрал, и мы с ним ушли. Все. Больше я ничего не знаю.

Саша поблагодарил мальчика и ушел.

Оказавшись на улице, Саша присел на ближайшую лавочку и набрал номер Льва. Должен же он дать ему отчет. Но Лев трубку не брал. Сашка набрал номер участкового дважды, а потом плюнул. Наверное, Лев на совещании или на задании. Когда сможет, сам перезвонит. А пока что Сашке придется действовать своими силами и на свой страх и риск. И от такой незапланированной самостоятельности Саша совсем растерялся.

К тому же он чувствовал голод, усталость и, самое главное, смутное неудовольствие самим собой и своими методами работы. Взялся вести расследование, а толком ничего не узнал. Целое утро потратил на беготню, а проку с гулькин нос. И хорошо, что Лев не берет трубку. Взял бы он ее, а что Саше сказать? Сказать-то Саше, по сути, и нечего.

Ну узнал Саша, что двое каких-то типов хотели что-то получить от Жеки, для чего и подговорили двух алкашей, Васю с Толей, чтобы те пригласили Жеку в свою компанию. И даже халявным бухлом их снабдили. А что дальше? Зачем те двое незнакомцев это сделали? И зачем упаковали Жеку в короб? И самое главное, кто эти двое? Где их искать?

И еще не ясно, почему эти двое, если это они, увезли Жеку за тридевять земель, почти на другой конец города, где и выбросили, предварительно заколов в тесный ящик? Не могли найти местечка поближе, чтобы там оставить короб с Жекой?

Нет, никакой вразумительной версии у Саши по-прежнему не просматривалось. Столько усилий, и все насмарку. Было отчего приуныть.

Глава 4

Саша просидел на лавочке довольно долго. Постепенно его мысли обрели какую-то ясность. Как ни мало сказали Васек с Толиком, они все же признались Саше, что у двух неких злодеев, один из них с бородкой, был интерес персонально к Жеке. Что-то эти двое хотели от Жеки получить уговорами или даже обманом. Еще больше Саша приободрился, вспомнив об атмосфере, которую ему удалось почувствовать в семье Жеки, если бывшую жену и ее нового мужа с соседом вообще можно считать семьей.

И снова в голову к Сашке полезли мысли, которые его уже посещали раньше. Надо бы пошевелить это гнездо. Очень уж неприязненно относились к Жеке его близкие. Они даже не скрывали своего желания избавиться от Жеки. Он был им неудобен. Он им прямо мешал. Они мечтали его переселить в другое место. А что, если это они и переселили Жеку в тот крохотный деревянный домик, больше похожий размерами на собачью будку, в котором Саша и обнаружил потерпевшего на валах?

Надо еще раз навеститься к Жеке.

Заодно узнает, как нынче самочувствие Жеки.

Самочувствие у Жеки было боевое. Своего знакомого Саша застал в пылу крупной разборки. Оказывается, к этому времени Жека уже проспался, пришел в себя и теперь жаждал правды.

– Воры! – негодовал он. – Разбойники! Креста на вас всех нет! Это же память бабкина! Единственная, что от прадеда нашего осталось!

При этом Жека вел себя далеко не мирно. Размахивая руками, он с самым угрожающим видом надвигался на перепуганного соседа с новым мужем. Бывшая супруга Жеки затерялась за мужчинами, пытаясь бежать с поля боя. Это она и открыла Сашке дверь.

Женщина буквально выпала из квартиры Саше на руки, пролепетав:

– Спасите!

На лице у женщины отчетливо отпечатались чья-то пятерня, по размерам вполне подходящая Жеке. И Саша невольно подумал, что от такого «соседа» он бы и сам мечтал избавиться. Все сочувствие, которое юноша испытывал к Жеке, моментально улетучилось. Надо же какая скотина! Руки распускает! Женщин бьет!

Саша шагнул через порог. И перед подавляющим перевесом ярость Жеки пошла на спад.

– Как ты себя ведешь!

У Жеки нашлось оправдание.

– Воры они! Воров учить надо! Сперли у меня память бабкину!

– Какую еще память?

– Часы!

– Нужно нам всякое старье!

– Старье да не старье, – вопил в ответ Жека, дергаясь всем телом. – Часики-то золотые были. Так-то вот! Верните, а то убью вас всех!

– Хлам какой-нибудь, – отнекивались сосед с мужем. – Откуда у тебя чему-то ценному взяться? Нигде не работаешь, пьешь. Все ценное давно пропил.

– Часы какие-то выдумал. Сто лет нам твои часы не нужны.

Тогда Жека вновь вспомнил про бывшую жену.

– Анька, – завопил он, – ты взяла! Шкура ты гнилая! Ты мою бабушку всегда ненавидела. Признавайся, куда память ейную дела?

– Не брала я! Вот те крест, не брала!

Стали разбираться. Оказалось, что пока Жека отсутствовал, из его комнаты пропали часы. Да не простые, а золотые. И еще это была единственная память о сгинувшем где-то в политических лагерях прадеде.

– У деда три упряжки лошадей были, он по весне вперед всей деревни опахать свою землю успевал. До полусотни батраков в страду нанимал себе в помощь. Да к нему в недород всем миром на поклон шли. Каждый в деревне ему чем-то обязан был. Всем он помогал. А его за это большевики в лагерь! Разве справедливо это? Хороший человек. И часы хорошие!

В общем, исчезновение часов вызвало у Жеки бурю эмоций. А увидев Сашу и припомнив, кто он такой, Жека еще больше разозлился.

– Ты ко мне в комнату заходил! Ты их и украл!

И, вцепившись в Сашку, приготовился того треснуть. Но Саша был совсем не настроен терпеть выкрутасы распоясавшегося мужика. Ловко уклонившись от удара, так что кулак Жеки впечатался в перегородку, Саша сам нанес несколько быстрых, но точных ударов. Солнечное сплетение, кадык и пах. Бац, бац, бац! И вот уже Жека с хрипом валится на пол и лежит там тихо-тихо, мечтая лишь о том, чтобы суметь снова вдохнуть воздух.

– Часы я не брал. Стал бы я возвращаться иначе? Кто-то другой их у тебя взял.

Жека уставился налитыми кровью глазами на соседей. Те поспешили откреститься:

– И мы не брали!

– Какие часы? Опомнись, отродясь у тебя никаких часов не было.

– Были! – настаивал на своем Жека. – Золотые часы! От прадеда! А вы их украли!

– Нас вчера и дома никого не было! В гости ходили. Вернулись за полночь, сразу спать улеглись. К тебе в комнату и не заходили. Да и как бы мы туда попали, если ты замок взрезал?

Замок был. Он был заперт, когда Саша приволок сегодня утром Жеку. И ключ от этого замка был у Жеки в кармане куртки, висящей в прихожей.

– Погодите! – воскликнула Аня. – Но ведь у тебя, Жека, всего одна куртка!

– А зачем человеку больше?

– И ты в этой куртке вчера уходил в магазин, – настаивала Аня.

– Надел куртку, – подтвердил Жека. – Чай, не лето на улице.

– А Саша сказал, что когда тебя нашли, ты был голым!

Аня к чему-то клонила, но пока мужики не понимали, к чему именно.

– Одну шерстяную подстилку мне сунули. Такие гады! Поймать бы их, да в рожи насосовать, чтобы знали, как с хорошими людьми...

На бывшая жена его перебила.

– И как тогда твоя куртка снова дома оказалась?

Возникла пауза. Все, включая самого Жеку, задумались.

– Это что же... Воры вчера куртку с меня сняли, домой ее занесли, а часы забрали?

– Нас дома никого вчера вечером не было. Могли и зайти воры-то.

– Очень даже запросто. Ключи от входной двери в квартиру, они в кармане куртки были. Куртку они с тебя, Жека, сняли, ключами дверь открыли, и часы у тебя украли.

– Адрес должны были знать.

– Адрес в паспорте есть.

– Давайте теперь разбираться, – предложил всем миролюбивый Саша, – когда и как эта кража могла произойти.

Отдышавшись, Жека заметно присмирел. И хотя косился на всех с большой злобой и подозрительностью, кулаками уже не размахивал. А от Сашки старался держаться подальше. Все это было и смешно, и противно, и грустно, и все это одновременно. Как часто человек ничем не вразумляется, пока его не треснешь хорошенько.

– Что за часы? Как выглядели?

Жека стал рассказывать. Часы были карманные. Из тех, что раньше зажиточные люди носили в кармане жилета на цепочке. Плоские круглые часы в футляре из чистого золота с гербом и инициалами деда. Во всяком случае, так их описал Жека. Слушая его, Саша невольно удивлялся в душе. Герб у простого крестьянина – мужика? Откуда бы ему взяться? Как бы ни был богат прадед Жеки, герб даже самому из зажиточных крестьян в царской России точно не полагался. Гербам владело лишь высшее сословие знати, всякие там дворяне да князья.

– И где они у тебя лежали?

Часы были спрятаны в железной коробке, где у Жеки хранились его ценности и документы. Ценности были представлены в виде денег и золотых часов, ныне исчезнувших. Сама коробка закрывалась на ключ, который Жека постоянно носил у себя на шее. Ключ был на месте, документы и прочие сокровища Жеки в виде поддельной зажигалки «Зиппо» и «вечного» перочинного ножика со сломанным лезвием тоже лежали на своем месте. А вот золотые часы пропали.

– Значит, тут орудовали не простые воры. Простые в первую очередь взяли бы деньги. А деньги у вас никто не крал.

Жека был вынужден подтвердить, что деньги на месте.

– Все?

– Вроде бы все. Погодь, сочту. Отвернитесь.

Все отвернулись. А Жека принялся шуршать бумажками. Шуршал он долго.

А когда заговорил, в голосе его слышалось удовлетворение:

– Все на месте. Даже на пять тысяч больше стало. Пять тысяч пятьсот. А это еще что за хрень?

Теперь голос звучал иначе.

Саша повернулся и увидел, что Жека держит в руках свернутый в четыре раза листок бумаги, на который пялится с большим удивлением.

– Это что за фигня такая?

Листок оказался договором обмена, и не просто обмена, а нотариально заверенного с печатью нотариуса, подписью и всем, что к такому документу полагается. В этом договоре Жека подтверждал факт передачи товара – старинных золотых часов гражданину В. Никифорову и получения за них суммы в размере пяти тысяч рублей. Также он подтверждал, что он действует в здравом уме и твердой памяти, а потому согласен на то, что обмен обратного хода не имеет.

– Это чего же получается? Я часы бабкины продал?

– Обменяли на пять тысяч рублей, все равно что продали.

– Сам продал, а на нас гонишь.

– Как же я не помню-то ничего, – растерянно пробормотал Жека. – А когда продал-то хоть?

Дата на договоре утверждала, что сделка состоялась вчера.

– Это я когда пьяный был, – ахнул Жека. – Как выпью, дурак дураком делаюсь. Видать, по синьке и втюхал кому-то эти часы.

– Знаете этого Никифорова?

Жека отрицательно покачал головой.

– Можно у нотариуса спросить, – подсказал сосед. – У них там паспортные сведения об участниках сделки должны быть.

Жека совсем растерялся.

– А нотариус кто?

– Не помнишь даже, как к нотариусу ходил?

– Ничего не помню. Как отшибло!

К счастью, на договоре была печать. А на печати имелась фамилия нотариуса.

– Мороз Елена Васильевна.

– О! Баба!

– Уж не та ли, что нам доверенность в прошлом месяце оформляла?

Это подала голос Аня. Она же сходила за своей доверенностью, изучила печать и радостно подтвердила:

– Ну, точно! Она самая! Так ты сходи к ней, Жека. У нее контора на углу возле исполкома.

– Один не пойду. Пусть со мной кто-нибудь ходит.

Сходить вызвался опять же Саша. Вроде бы эта история с часами не имела прямого отношения к его делу. Но с другой стороны, случилась она также вчера. И похоже, уже после того, как Жека вдоволь накушался халявного коньяка. Так не могла ли она быть связана с тем, как Жека позднее очутился на валах?

Нотариус была занята. И обозрев очередь из шести семейств, заполнивших собой всю приемную, Жека приуныл.

– Этак мы тут не один час проторчим. А всего-то и надо, что спросить!

Но Саша уже обратил внимание на хорошенькую помощницу нотариуса. Девушке было лет двадцать. И она так премило хлопала глазками в сторону Саши, что тот счел это добрым знаком. Представив Жеку как своего дядю, он спросил у девушки, не помнит ли она его.

– Конечно, помню, – засмеялась девушка. – Он у нас вчера был.

– А с кем?

– Могу по документам посмотреть. Они простую сделку обмена оформляли. Старые часы на пять тысяч рублей.

Пока что все сходилась. Милая девушка выяснила паспортные данные гражданина Никифорова, получила в награду от Саши сияющую улыбку, от которой затрепетало ее девичье сердечко, и они расстались очень довольные друг другом. Во всяком случае, Саша был доволен. А вот девушка казалась что-то слегка разочарованной. Похоже, что у нее были несколько другие планы, и одинокий субботний вечер в них не входил.

Дальнейший поиск Саша предоставил самому Жеке. Мотаться по городу за этим гражданином Никифоровым ему не хотелось. Устал, да и домой уже пора. Барон истосковался, с ним гулять пора. Но если Саша думал, что так легко избавится от Жеки, то очень ошибался. Уже к вечеру тот снова появился в жизни юноши. Позвонил и сразу начал с жалобы.

– Не найти мне этого Никифорова, хоть в лепешку расшибись. По месту прописки он не проживает. И никто не знает, где и у кого мужик ошивается. Единственное, что мне удалось узнать, мужик этот вроде как скупкой старых вещей занимается.

– Логично, если его ваши часы заинтересовали.

– А я сам несколько дней назад эти часы к антиквару носил. Он сказал, что часы серебряные, сверху лишь тонкий слой позолоты. Механизм сломан. Стрелок нет. Предлагал мне за них полторы тысячи рублей.

– И что?

– Вот я и думаю, а что если этот антиквар и есть Никифоров? Ну, или его знакомый, кому он про мои часы рассказал, а?

Саша молчал.

– Вдруг часы ценные, а антиквар меня обмануть хотел? Не получилось в первый раз, он снова заход сделал. Уже сложнее комбинацию выстроил.

Саша сказал, что такое предположение вполне может иметь место. И все же Саша недоумевал, какого лешего ему позвонил Жека? Просто, чтобы пожаловаться? Оказалось, что нет, не просто.

– Сходишь со мной?

– Куда?

– К нему.

– К кому, к нему?

– Хорош тупить! – вспыхнул Жека, но тут же остыл и добавил уже совсем другим тоном: – К антиквару этому. Может, мне его морда знакомой покажется. А если нет, то вдвоем мы сможем из него выдавить, кому он насчет меня настучал. Ты парень тренированный, вон как мне врезал – до сих пор в желудке неладно. И где ты таким приемам научился?

Саша невольно почувствовал себя польщенным. Не каждый день взрослый мужик хвалит его достижения.

– Если этот антиквар артачиться вздумает или в отказ пойдет, мол, ничего не знаю и ведать не ведаю, то ты и на нем свои приемчики показать можешь.

Ага, теперь Саша начал прозревать и догадался, чего хочет от него Жека. В одиночку отправляться на разборки к антиквару ему страшновато, вот и придумал позвать с собой Сашу.

– Почему бы и нет?

В самом деле? С Бароном он уже погулял целых полтора часа. Покормил его. Теперь пес довольный и усталый спит на своем коврик. Никаких особых дел у Саши нет. Заниматься неохота, да и рано. До сессии еще очень много времени. Можно и попрактиковаться в проведении расследований вживую. Тем более что эта история, в которой он участвовал с самого начала, поневоле затягивала Сашу все сильнее.

На всякий случай он позвонил участковому, посоветоваться.

На этот раз участковый ответил и Сашку выслушал.

– Раз уж начал, жми дальше, – заявил Лев.

– А вы присоединитесь?

– У тебя и у самого отлично получается. С Васьком этим и Толиком ты уже поговорил. Свидетелей допросил. Теперь сходи к антиквару!

При этом на заднем плане слышались громкие женские голоса и звуки попсы. Похоже, в субботний вечер участковый отрывался на полную катушку. А чего ему? Можно и развлечься. Всю работу за него сделает Саша!

– Как только появится реальный подозреваемый, звони! Жду!

Теперь уже подозреваемый. Сначала речь шла только о том, чтобы поговорить с Васьком и при удаче с Толиком. Потом с другими свидетелями. А теперь Лев готов отправить практиканта и к первому реальному подозреваемому. Почему подозреваемому? Да потому что Саша чувствовал, этот антиквар с его интересом к золотым прадедушкиным часам Жеки должен быть каким-то боком замешан во всем этом.

На этот раз Жека, когда Саша его увидел, был трезв и собран. Щеки были гладко выбриты, а волосы аккуратно зализаны назад. Вид у Жеки был пижонский. И Саша заметил, что проходящие мимо женщины заинтересованно поглядывают на Жеку. Особенно сворачивали головы те, кому было уже «за...».

Поздоровались, и Саша спросил:

– Какой у нас план?

Жека изумился этому вопросу.

– Какой еще план? Идем и бьем этому гаду морду. Вернее, ты бьешь.

– У меня есть план получше.

– И какой?

– Если мы вот так налетим на антиквара, он может ничего не сказать, а попросту вызвать полицию.

– Так я его подержу, пока ты из него признание выбивать станешь. Никого он не вызовет.

Участвовать в избиении антиквара, даже такого подозрительного, Саша все равно отказался.

– У меня есть идея лучше. Я сейчас иду и набиваюсь к этому антиквару в помощники.

– Это кем же?

– Да кем угодно. Хоть пыль вытирать с его товара. Наплету, что всегда интересовался стариной, что мечтаю поработать в таком месте, могу даже даром. Против этого никто не устоит.

– Это точно, – согласился Жека. – Прививки от халювы еще не существует. Но тебе-то зачем на антиквара задарма батрачить?

– Присмотрюсь, что у него и как. Глядишь, и ваши часы найду. У вас их фотография есть?

– Ага. В профиль и анфас, три на четыре и десять на двенадцать.

– Серьезно?

– Нет у меня фотки! – вспыхнул Жека. – Не подстраховался! Разве же я знал, что у меня их сопрут. Но там вензель был – две буквы между собой переплетенные. Одна «S» как на долларе, а вторая заглавная «I». То ли буква, то ли цифра.

– И что это за вензель?

– Прадеда моего Игорем звали. А фамилия его Сидоров была. Игорь Сидоров, понял?

– Вы же Кузин.

– И чего? – буркнул Жека. – А дед Сидоров Игорь был. Это его инициалы, не иначе.

Саша спорить не стал, хотя ему показалось маловероятным, чтобы русский крестьянин в начале двадцатого века настолько оторвался бы от своей общины, чтобы заказывать себе иноземный вензель, используя не родную кириллицу, а латинские буквы. Хотя каких только причуд не существует у тех, кто выбился из грязи в князи. Чуть заведутся у человека деньжата, так он сразу давай сорить ими да чудить. Вот тут и вензели иностранные могут вылезти.

А проще всего предположить, что часы эти попали к прадеду Жеки от другого владельца. И вот тот владелец и украсил их вензелем. А прадед Жеки лишь использовал его как красивую легенду, подменив чужие инициалы своими собственными, благо они совпадали.

– Основное я понял. Золотые часы. Луковица. На обратной стороне вензель из двух латинских букв. Увижу в магазине похожие часы, сфотографирую и покажу вам. Если опознаете свои, будем действовать.

– Так чего? Морду мы ему бить сегодня не будем?

Жека не мог скрыть своего разочарования. Простой и легкий способ возврата имущества был отменен. А на смену ему пришло туманное и неопределенное будущее, приготовленное напарником.

– Не нравится мне твоя идея, – признался Жека. – То ли удастся вывести этого жучару на чистую воду, то ли нет. А если он часы припрятал? Или вообще кому-нибудь другому их толкнул?

– Если он занимается такими махинациями, значит, вы не первый, кого он обманул. И наш долг не просто вернуть обманом изъятые, но и помочь другим пострадавшим.

Судя по выражению лица Жеки, ему было глубоко плевать на других. Но спорить с Сашей, памятуя о том, что тот владеет приемами самообороны, он поостерегся.

– Будь по-твоему, – со вздохом согласился он. – Но если не удастся втереться в доверие к антиквару?

– Тогда пойдет в ход ваш план, – успокоил Саша напарника. – Кстати, вы насчет вчерашней попойки никаких подробностей не вспомнили?

– Вроде всплывает что-то. Тип какой-то с темной бородкой. Глаза свои нахальные за очками спрятал. Вежливый такой, куда-то мы с ним шли. А кто он такой и куда шли, не помню.

– Но не антиквар?

– Нет.

– Вспоминайте дальше.

Жека пообещал, что постарается, и они разошлись в разные стороны. Куда пошел Жека, мы узнаем позже. А вот Саша отправился в гости к антиквару.

Магазин старинных вещей, который посещал Жека, оказался совсем небольшим заведением. И располагался он в подвале жилого дома. По сути это была скупка, рангом чуть повыше

обычной комиссионки. Предметы старины тут были преимущественно представлены различного рода подделками, что без труда определил Саша. Только очень наивный человек мог принять эти искусственно состаренные полотна, фарфор и мебель за подлинную старину.

Саша взял в руки поддельную тарелку фабрики Мейсен и вгляделся в тщательно нарисованные на поверхности трещинки. Тонкая работа, ничего не скажешь. Но запрограммированный на такую работу станок сделает это за несколько минут. И получится такая вот прелестная подделка под старину. Даже с близкого расстояния и то трудно понять, что кракелюр насквозь фальшивый.

– Интересуетесь?

Саша повернулся и увидел продавца. Это был невысокий мужчина с круглыми розовыми щечками. Волосы у него были светлые, зачесанные на косой пробор. И полное отсутствие растительности на лице. Не тот! Да и фамилия, которая красовалась на вывеске «ИП Селезнев Б. Г.» говорила о том, что этот антиквар не может быть гражданином Никифоровым, прикарманившим себе часы Жеки. Глаза у антиквара были голубые и такие чистые, что казалось, такой человек просто не умеет врать.

– Очень! Очень интересуюсь всем старинным! – пылко воскликнул Саша. – Маме хочу подарить тарелки. Она всю жизнь мечтала о таком сервизе. Сколько стоит?

Продавец назвал цену, которая оказалась вполне приемлемой.

– Для тарелок, место которым в музее, это совсем недорого.

– Не могу вас обманывать, молодой человек. То, что вы держите в своих руках, всего лишь современная копия.

– Копия?

– Да и зачем вам оригинал? Им нельзя пользоваться. Его ценность слишком велика. А материал, увы, со временем становится слишком хрупким и буквально может рассыпаться у вас в руках. Старинный фарфор даже не моют.

– А как же тогда?

– Его очищают от пыли и других загрязнений щеточкой и мягкой тряпочкой. Сами посудите, купите вы тарелочку для своей мамы, а ее мыть нельзя. Или она прямо в руках у своей владелицы в крошки превратится. Ваша мама расстроится?

– Конечно. И я расстроюсь.

– Вот видите, поэтому копия лучше!

Саша обвел взглядом помещение.

– И много у вас тут копий?

Продавец отвел взгляд:

– Почти все.

– А оригиналы есть?

– Есть, но они стоят совсем других денег.

– Все равно! Я хочу! Покажите!

– Фарфор нынче представлен кувшином для воды и блюдом с фруктами, так называемой обманкой.

И продавец снял с полки блюдо, полное сочных фруктов. Саша даже не понял, что это не настоящие фрукты, пока продавец не поднес блюдо поближе.

– Такие обманки были очень популярны при дворе в XVIII веке. Вместе с настоящими фруктами или сладостями на стол ставили такие вот шуточные обманки.

– Зачем?

– Для потехи. Когда чуток перебравший гость тянулся к фарфоровому канapé с икрой, желая им закусить водочку, слуги понимали, пора выводить этот персонаж из-за стола на прогулку.

На фарфоровом блюде лежали очень аппетитные груши, персики, виноград. Гранат рассыпал свои алые зернышки. Наверное, когда краски были свежими, фрукты и впрямь нельзя было отличить от настоящих. Но сейчас на многих фруктах краска изменила свой первоначальный цвет, а кое-где и вовсе стерлась. Былое великолепие блюда безвозвратно поблекло. Издалека оно еще привлекало взгляд, но вблизи сразу становилось ясно, что это никакие не фрукты, а один обман.

– Эта вещь нуждается в реставрации. Но пока что мы решили оставить ее так, многие любят увидеть вначале вещь в подлинной старине, а уже потом освежить ее.

Саша молчал.

– Вижу, этот предмет вас не заинтересовал. Тогда вот есть композиция.

Композиция представляла собой тяжеловесную карету, запряженную шестеркой серых в яблоках лошадей. На козлах сидел кучер в камзоле и шляпе с пером. Из-за кружевных занавесок окошка выглядывало хорошенькое румяное женское личико. На задворках кареты стояли лакеи в нарядных расшитых золотом ливреях. Все детали были изготовлены из тончайшего фарфора. Особенно поражало кружево на платье барышни и крохотные цветочки, которыми была украшена ее высокая прическа.

– Композиция после реставрации.

Действительно, сколько Саша ни присматривался, он так и не увидел ни сколов, ни потертостей, ни прочих изъянов, какие бывают на старых вещах. А ведь этой фарфоровой безделушке больше двухсот лет. И она была крайне неудобной как для транспортировки, так и для простого хранения. Выступающие детали должны были неизбежно отломаться. А между тем изящные головки лошадей, их хвосты, шляпы лакеев – все было в целости.

– Над ней пришлось поработать. Но у меня есть друг, настоящий волшебник. Для реставрации трещин и маленьких сколов используют те же препараты, что и стоматологи в своей работе, в итоге поверхность восстанавливается до первоначального состояния и на ней ничего не заметно. Клеем так никогда бы не получилось.

– Не знаю... Я тут вспомнил, что у папы скоро день рождения.

– Он тоже любитель старинных вещей?

– Он коллекционер.

– И что же составляет предмет его интереса?

– Часы! – выпалил Саша. – Любые! Настольные, настенные. Но лучше всего такие, чтобы папа мог бы ими пользоваться, мог бы носить их с собой постоянно.

– Карманные часы? – задумчиво произнес антиквар. – А из какого материала?

– Лучше всего из золота.

– А знаете, вы очень везучий молодой человек. Так уж получилось, что я могу вам помочь приобрести такие часы.

– У вас они есть?

– Нет, не у меня. Но я знаю, кто нам с вами в этом поможет.

Сердце у Саши так и заколотилось от счастья. Не может быть, чтобы ему так повезло. Вот это удача! Прав антиквар, он и впрямь везунчик.

Глава 5

Далеко за счастьем ходить не пришлось. Сели в машину и поехали. У антиквара, кстати сказать, во владении был пусть и не новый, но все же «Ситроен». На этой машине они домчались с ветерком до нужного адреса. Но когда Саша увидел дом, к которому его подвел антиквар, в душе у него появилось неприятное предчувствие. Этот дом он видел. Более того, ему уже доводилось здесь бывать и не далее, как сегодня утром.

– Совпадение, – прошептал Саша и приказал себе не волноваться.

Но когда антиквар подошел к знакомому подъезду, Сашины мысли замесились со скоростью кроликов. Куда они идут? Неужели туда, куда он думает? Но тогда... Разве это не означает...?

Мысли были короткие, быстрые, вспугнутые, Саше никак не удавалось додумать каждую из них до конца. Так что он пребывал в растерянности.

Но когда они поднялись на нужный этаж и оказались перед знакомой дверью, Саша все же не выдержал, спросил:

– Нам точно сюда?

– А что вас, молодой человек, смущает?

Смущает! Да Саша не знал, куда деваться от обуревавших его чувств. Это же была квартира Васька. Того самого собутыльника Жеки! Верней, тут жила Марина – подруга Васька. Но вместе с ней под одной крышей обитал и Васек. А значит, это была и его квартира. Квартира того самого Васька, кого наняли неизвестные мужчины специально для распития канистры коньячного спирта. И что? Васек нанял себя сам, раз они направляются в гости к Ваську?

Оказалось, что нет. Ни Василий, ни его супруга даже не показались в коридоре, словно бы их вовсе не было. А может, и впрямь куда-то ушли? Но квартира была та самая. Во все той же сильно захлавленной прихожей антиквара с Сашей встретил мужчина средних лет. Он был темноволос, и на его лице имелась борода. Точь-в-точь такая, как была у Кортеса со страницы школьного учебника.

Сердце у Саши и прежде стучало в ускоренном режиме. А при виде этой бородки оно застучало так прямо угрожающе быстро. Похоже, он нашел преступника! Но внешне Саша старался держать себя в руках. Ни словом, ни взглядом ему нельзя выдать охватившее его волнение. Стоит этим двоим – антиквару и его приятелю почуять неладное, как прощай наклевывающееся знакомство. Прощай обещанная сделка!

Бородатый представился Виталием и сразу же провел гостей в комнату, в которой Саше уже довелось побывать сегодня. Та самая заставленная пыльными старыми вещами комната, по полу которой они с Мариной ползали, собирая рассыпавшиеся из странной вазы шарики. Саша оглядывался по сторонам с хорошо понятным волнением, но его новые знакомые думали, что юноша просто поражен увиденным, и пока что не трогали его, давая время оглядеться.

Они с антикваром, которого, как выяснилось из разговора, звали Борисом, обсудили какой-то рояль, который и даром никому не нужен, а хозяйка возомнила, что сможет получить за него бешеные миллионы.

– Старая кляча вконец обезумела. Я ей говорю: чтобы рояль ваш вывезти, еще деньги заплатить надо. И немалые деньги. Хотите избавиться от рояля, участвуйте в его перевозке. А она мне свое. На рояле этом, дескать, сам Шаляпин играл, вот его фотография. Заплатите мне под нее полтора миллиона и забирайте рояль на все четыре стороны, любой музыкант его у вас с руками оторвет. Я за рояль сел, клавиши жму, никакого звука. Крышку поднял, смотрю, а в инструменте уже не просто все разохлось от времени, там вообще ничего нет.

– Но если инструмент с историей, его можно использовать.

– И понимаешь, фотография такая, что не понять, тот это рояль или просто на него похожий. Да я и сам сколько хочешь таких фотографий тебе раздобуду. Было бы желание.

– А его у тебя и нет?

– Чтобы сам инструмент отреставрировать, часть деталей нужно менять, а то и вовсе новые изготавливать. Кто станет вкладываться? Ведь нипочем потом вложений не отобьешь. Да и будет ли инструмент потом хорошо звучать? Дешевле и проще человеку пойти и новый рояль себе купить или заказать. А фотографию Шаляпина можно потом и так на него поставить, почему бы и нет?

Потом поговорили о каком-то золотом браслете с бирюзой, который оказался и не золотой, и не с бирюзой, а просто мастерской подделкой.

– Вот научились делать! Меня обманули! Латунь с позолотой за золото выдали. И пластик под камень так сделали, что не подкупаешься. Уж на что я третий калач, а ничего не заподозрил. Да что я, Геннадий Сергеевич, а уж он вообще всю жизнь на камнях сидит, насчет бирюзы сначала дал мне твердую гарантию. Лишь дома под электронным микроскопом ее посмотрел и поднял тревогу. Звонит: отбой, Боря, никакой чистки или реставрации этот браслет не стоит, грош ему цена в базарный день. «Подари, – говорит, – его какой-нибудь девчонке, пусть она тебя за него отблагодарит». Я так и сделал.

Из разговоров Саша понял две вещи. Во-первых, Боря с Витей знакомы уже давно и плотно. И во-вторых, аферюги они еще те, хотя какие-то понятия о чести у них тоже существуют. Но сугубо свои понятия, какие обычному человеку невдомек. Ну оно и понятно, когда живешь на том, что скупаешь старый хлам, а потом продаешь его как старинную антикварную вещь, нужно обладать изрядной ловкостью, чтобы все не просто сошло тебе с рук, а еще и покупатель остался доволен.

Наконец приятели вспомнили про своего молодого гостя.

– Виталя, у тебя же имеются мужские карманные часы? Я не ошибаюсь?

– Есть такие.

– Золотые, я не ошибаюсь?

– Золото на них еще царское.

– Молодой человек интересуется для своего батюшки. Хочет сделать ему презент ко дню ангела.

Саша молчал. А бородатый Виталя глянул на него приветливо.

– Отца баловать – это дело хорошее, – сказал он. – Очень благоразумное вложение. Глядишь, со временем и батюшка вас, молодой человек, с наследством не обидит.

– Да я совсем не поэтому.

– Поэтому или нет, а часы я вам сейчас покажу.

Виталий порылся по карманам, нашел в одном из них точеный железный ключик, которым и открыл замок на верхнем ящике комода. И оттуда на свет появилась приличных размеров шкатулка, даже целый ларчик, битком набитый самыми разными часами. Тут были солидные мужские часы, были легкомысленные и кокетливые женские часики. Имелись часы иностранные и часы наши – отечественные. Но все они были уже не новыми. Средний возраст часов в этом ларце был примерно сто лет. Встречались часы советских марок, но подавляющее большинство было старше.

Саша с любопытством наблюдал, как со дна ларчика Виталий извлек отполированную до блеска коробочку, в которой на мягком ложе из серо-голубого бархата лежали круглые мужские часы. Металл на них был золотистого цвета, и в первый момент Саша ахнул, будучи уверен, что видит перед собой часы прадедушки Жеки. Но стоило ему взять их в руки и рассмотреть поближе, как из его груди вырвался вздох разочарования.

Никаких инициалов на корпусе у этих часов не наблюдалось. Там имелась эмалевая вставка: кавалер в слишком тесных панталонах, грозящих лопнуть на его пухлом заду, целует

ручку прекрасной дамы, которая одновременно успевает еще и томно обмахиваться веером. Ни кавалер, ни дама, ни сами часы Саше совершенно не понравились.

Но Виталий с Борисом нахваливали товар на два голоса:

– Смотрите, молодой человек, вот они! Любуйтесь! Какая красота! Или вам не нравится?

– Боюсь, мама не одобрит.

– Чего? Это же вы от себя покупаете.

– Она и так папу ко все женщинам на свете ревнует. А тут на эмали молодая девушка, мужчина ее целует, мама решит, что это напоминание папе, чтобы он не упускал случая, и потеряет последний покой. Да и меня она покоя лишит.

– Интересная у вас маменька.

– Да уж какая есть. Родителей не выбирают. Может, у вас есть другие часы? Тоже золотые, но если можно так выразиться, более нейтральные.

– Есть! Как ни быть!

Виталий был настроен оптимистично. Он продемонстрировал Саше не меньше десяти пар часов, начиная от старинных брегетов и заканчивая вполне современного вида командирскими часами, славящимися точностью хода. Но ни на одних часах не было нужных инициалов. На некоторых часах была сделана гравировка, и тогда Саша, не стесняясь, просил лупу и внимательно разглядывал надписи. Как ни странно, такое его поведение уверило продавцов в том, что к делу покупатель подошел серьезно, а значит, есть шанс рано или поздно втюхать ему какой-нибудь товар.

Но Саша привередничал и испытывал терпение продавцов.

– Это не то. И это тоже. И это не то!

Наконец Виталий ссыпал часы обратно в ларчик и с досадой произнес:

– Тогда я даже и не знаю, что вам показать.

– Неужели у вас совсем ничего больше нет?

– Из того, что вас интересует, нет.

Саша задумался. Он был почти уверен в том, что часы Жеки находятся у Виталия. Слишком много совпадений, чтобы искомым часов тут бы не оказалось. Но почему нужные часы не находятся? В чем дело?

– Что-то у меня живот разболелся, – признался Саша.

– Это от волнения, молодой человек. Бывает.

– А можно мне у вас посетить...?

Виталий в восторг от просьбы не пришел, но все же проводил Сашу до туалета.

– Обратно дорогу сами найдете?

– Найду.

Но стоило Виталию уйти, как Саша немедленно выскочил в коридор. Живот у него болит! Ха-ха три раза! Ничего он у него не болит! Это он нарочно придумал, чтобы дать возможность друзьям поговорить наедине, а себе возможность этот разговор подслушать. Сняв обувь и молясь, чтобы ни одна половица под его ногами не скрипнула бы предательски, Саша подкрался почти к самым дверям комнаты. Теперь ему было слышно, о чем говорят между собой старьевщики.

– Ты мальчику один хлам предлагал, а он про золото говорил. Не удивительно, что вы с ним не сговорились.

– Какое ему еще золото! Придумаешь тоже. Он на золото еще не заработал. Ты же видел, как он выглядит!

Саша не успел обидеться, нормально он выглядит, как Борис возразил другу:

– Как он одет, ты не смотри. Сейчас и сынки богатеньких родителей в такое несуразное тряпье рядятся, что не угадаешь. Как бы тебе не прогадать, покупатель выгодный. Покажи ему вчерашние часы, которые мы у того лоха отжали.

– Ни за что!

– Почему?

– Пусть этот сопляк меня сначала убедит в своей платежеспособности. Пусть покажет деньги. И дешевле, чем за сотню косарей я ему те часы не отдам.

– Не много ли? Тебе они в пятерку встали.

– Во-первых, дороже. Не забывай, что мной еще была куплена канистра коньячного спирта, которой мы наших алкашей снабдили, и конфеты для нотариуса тоже кое-чего стоили. Это не говоря уж о том, что мне время от времени приходится с этой кочергой из нотариальной конторы еще и спать. А с пустыми руками к этой даме не явишься, цветы, вино, сладости. И тогда вообще все затраты под десятку выходят.

– Все равно, ты не в накладе. Часы ты у клиента задешево взял. Почему бы и не скинуть мальчишке?

– Так и быть, десятку я ему скину, если только всерьез брать будет. Но пусть он мне хотя бы тысяч тридцать покажет. Тогда и поговорим. Кстати, где он там? Не заснул в сортире?

Саша еле успел вернуться обратно в уборную, как в коридоре послышались шаги.

– Молодой человек, ты не утонул?

– Сейчас иду.

Голос Саши звучал сдавленно, потому что он боялся, как бы прерывистое дыхание его не выдало. Он был очень взволнован. Как все открылось! В один миг стало ясно, что самые худшие подозрения Саши насчет этих двоих полностью оправдались. Только бы теперь себя не выдать!

Но все обошлось. И когда он вернулся к двум мошенникам, то уже знал, что сейчас услышит.

– У нас есть товар более высокой ценовой категории. Но...

После чего мошенники переглянулись и просто поставили покупателя перед фактом. Либо он показывает им деньги, либо они иметь с ним дел больше не будут.

– Я покажу... Я принесу... Деньги у меня на пластике. Карта вас устроит?

– Молодой человек, это даже в какой-то степени неуважение, платить за антикварные старинные вещи современным безналом. Понимаете меня?

Саша кивнул, хотя так и не понял, чем безналичный расчет в данном случае отличается от наличного. Если вещи прошлой эпохи настолько чувствительны к такого рода вещам, то и платить за них нужно купюрами того времени. Или лучше сразу отсыпать золотыми червонцами и серебряными рублями?

Договорились, что на следующий день Саша придет к Борису, куда Виталий принесет нужную вещь.

– Только не раньше полудня, – сказал Саша, ломая голову, где бы ему к этому времени раздобыть требуемую сумму наличными.

Его новые знакомые не возражали.

На пороге дома Сашу встретила мама. В руках она держала поводок, на другом конце которого метался Барон. Собака явно рвалась на прогулку, а увидев любимого хозяина, пес вообще обезумел. Барон вертелся выюном, терся о ноги, скулил и вилял хвостиком-кочерыжкой так быстро, что в глазах рябило.

– Хороший, хороший, – гладил его Саша. – Все, Барон, перестань. Перестань, кому говорю! Нельзя!

Куда там! От избытка чувств Барон принялся прыгать в воздух. Все выше, выше.

– Гулять сейчас пойдем, утихни!

Саша открыл входную дверь, и Барон опрометью понесся вниз. У двери подъезда он попытался сделать в очередной раз подкоп, а когда это у него не вышло, гавкнул на дверь. Мол, открывайся! Чего застыла! На улицу Барон вылетел пулей и тут же блаженно замер. Саша все-

гда удивлялся, сколько жидкости может копиться в совсем небольшой пока что собачке. Весил щенок четырнадцать килограммов, воды пил мало, но жидкости из него на каждой прогулке выливалось по литру. Сделав свои дела, Барон побежал дальше, весело помахивая хвостом. Он был в отличном настроении. Собачья жизнь удалась. А вот о своей Саша сказать этого никак не мог.

Сразу после того как он попрощался с антикваром, Саше позвонил Жека.

– Ну что? Удалось увидеть мои часики?

– Почти.

– Не понял?

– Все решится завтра.

И Саша рассказал Жеке о достигнутой с антикваром и его подельником договоренности.

– Но мошенники хотят сначала увидеть деньги, вот в чем вся загвоздка. А денег у меня нет.

– Не дрейфь, – приободрил его Жека. – Я что-нибудь придумаю.

Но что мог придумать Жека? Увы, он был совсем не похож на человека, у которого под подушкой припрятаны лишние тридцать кусков.

– Значит, вы с обоими говнюками договорились на полдень? – уточнил Жека.

– Да.

– Ага. Понял.

И не прощаясь, Жека отключился.

Всю дорогу до дома Саша размышлял о двух вещах. Где ему раздобыть те тридцать тысяч, без которых мошенники-антиквары нипочем не покажут ему золотые часы. И второй пункт, что ему делать, когда часы ему покажут. По второму вопросу Сашу мог бы скоординировать участковый Лев, Саша ему несколько раз звонил с дороги, но Лев, похоже, сильно загулял, потому что трубку не взял. И теперь Саша нервничал. Без силовой поддержки родной полиции он рисковал остаться и без часов, и без тех тридцати тысяч, которые мошенники могут отобрать у него силой в качестве возмещения хлопот. И поди потом докажи, что деньги были. Он один, а их двое. А какие они проходимцы, Саша теперь примерно себе представлял.

Не представлял он другого, насколько опасными могут быть эти люди. Но звонок участкового Льва сумел раскрыть глаза Саше.

Участковый был краток:

– Ты где? – спросил он без всякого приветствия.

И, услышав, что Саша гуляет, добавил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.